

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПЕТР ЕЛИЗАРОВ
ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

роман

Петр Елизаров

Шаровая молния

«Автор»

2014

Елизаров П. А.

Шаровая молния / П. А. Елизаров — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-90743-0

Иногда жизнь человека может в одночасье измениться, резко повернуть в противоположную сторону или вовсе исчезнуть. Что и случилось с главным героем романа – мажором Алексеем Вершининым. Обычный летний денек станет для него самым трудным моментом в жизни. Будут подведены итоги всего им сотворенного и вынесен неутешительный вердикт, который может обернуться плачевными и необратимыми последствиями. Никогда не знаешь, когда жестокая судьба нанесет свой сокрушительный удар, отбирая жизнь человека, который все это время сознательно работал на ее уничтожение...

ISBN 978-5-532-90743-0

© Елизаров П. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Дисклеймер и эпиграфы	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1 «Утро после клуба»	6
Глава 2 «Клуб»	15
Глава 3 «Драка»	28
Глава 4 «Прелестное создание»	34
Глава 5 «Под покровом ночи»	42
Глава 6 «Путешествие во времени»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Петр Елизаров

Шаровая молния

Дисклеймер и эпиграфы

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

«Дурное употребление материальных благ часто является вернейшим путем к величайшим невзгодам»

Даниэль Дефо

«За сладкое приходится горько расплачиваться»

Леонардо да Винчи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 «Утро после клуба»

Народная мудрость гласит: чем лучше вечером, тем хуже утром. И это так. После бессонной ночи в клубах и прочих развлекательных заведениях с похмелья всегда болит голова и иногда даже ноет печень. А ведь это предсказуемо. Здесь впрямь подойдут такие слова: печень ждала и тревожилась, желудок готовился, нос чесался, ноги и язык знали, что будут заплетаться, задница боялась приключений, один лишь мозг радовался, что он наконец-то отдохнет.

Но у этого человека все по-другому: если вечер для него был отличным во всех смыслах, то на следующий день он получал сильнейший заряд бодрости и положительных эмоций и пребывал в приподнятом настроении, пока остальных валила спящая усталость и мучила амнезия, пока остальные глотали обезболивающие таблетки и ходили медленно и устало, будто зомби. Знакомьтесь, Алексей Сергеевич Вершинин, ученик 11 класса, 18 лет, сын богатых родителей, что и сделало его таким избалованным, похотливым, ленивым и временами весьма нервным мальчишкой – одним словом, мажор. После такого описания становится очевидно, что с характером, поведением, мыслями, делами и поступками этого человека все уже давно ясно и понятно. Но давайте все-таки не будем забегать вперед и делать поспешных выводов... Парень ведь главный герой.

Вот он лежит на двуспальной кровати, дремлет, немного съездившись, не замечая яркого утреннего солнца, жмется к краю не оттого, что кровать узковата (кровать вовсе не тесная, а даже наоборот), а из-за того, что на ней рядом с ним устроились еще трое. Посередине лежали две симпатичные девушки, а на противоположном краю кровати дрых Витек Ретинский – близкий друг Алексея Вершинина. Он постоянно разделял с другом эти безудержные ночные похождения, состоящие из пьянок в клубе, езды в нетрезвом виде и обхаживании неизвестных девиц.

Остановимся подробнее на Алексее Вершинине. 18-летний парень был средненького роста. С детства мальчик рос активным, крепким, предприимчивым и немного хитреньким – из него получился бы отличный малый, если бы не один важный факт из его биографии, ставший решающим в становлении личности Алексея – он ребенок из богатой семьи. Родители стремились одарить своего единственного ребенка всем самым лучшим, не привив ему чувства долга, уважения, а главное – самостоятельности. Собственно, Леша был не против... Таким и рос.

По мере взросления эти самые черты мажора прогрессировали – сказались не только на нем, но и на его окружении. Он прекрасно знал и понимал с самого детства, что этим миром и всеми, кто его населяет, правят деньги, поэтому обладатель этих денег – авторитет и король. Так что имя Алексея Вершинина всегда отождествлялось со словами: гордыня, беспечность, пофигизм, деньги. Также сюда можно отнести жажду собственного превосходства и власти над другими. Это лишь малая часть того, что собой представлял Вершинин-младший. Помимо этого, на не совсем нормальной почве кроме хитрости и неслыханной наглости в мажоре иногда включался потаенный интеллект. Но все его качества использовались им только для удовлетворения своих личных желаний и потребностей. Для этого нужно было продемонстрировать, кто здесь самый главный, кто здесь самый богатый, а, значит, и самый крутой. В переходном возрасте появилась и сильная тяга к противоположному полу. Алексей Вершинин предпочитал соблазнять и очаровывать девушек всего лишь для удовлетворения мужских потребностей и не более того. Правда, даже после такого девушки продолжали липнуть к нему – с каждым годом их становилось больше и больше. Леша был рад этому факту, ведь его хватало на всех. Позже

с ростом в геометрической прогрессии количества девушек, желающих заполучить внимание и ласку Алексея, в той же прогрессии росло и число брошенных сердцеедом девушек, их разбитых сердец в статусе «девушек на одну ночь». Печальная история, правда, весьма забавлявшая самого героя-любownika, который все больше и больше отходил от морально-этических устоев, позволяя себе намного больше того, что могли представить другие и приписать это ему.

Одним словом, его ум, сила и талант, вместо того чтобы совершать благо, делать добро, окунулись в похоть и разврат. Родительские деньги высушили его сердце, а чрезмерные сексуальные похождения опустошили тело и заразили мозги, не говоря уже о его душе. Без вышеперечисленного он не представлял нормальной жизни. Ему неизвестно, что такое трудиться и по-настоящему любить. Он знал лишь несколько простых слов, которые всегда согревали, сопровождая его – отдых и кайф.

Он пользовался уважением среди пацанов из-за денег и авторитета, и, конечно же, ему завидовали не только из-за этого, но и из-за бесчисленного количества девушек – опять же из-за богатства, авторитета, легкого отношения ко всему. Не на последнем месте была его внешность. Так что причин вешаться на Вершинина было предостаточно.

Алексей Вершинин обладал привлекательными внешними данными. Черты его лица правильные, хорошо сформированные и соразмерные, кроме носа, который был немного больше всего остального, кончик его был загнут, а ноздри чуть оттопырены в разные стороны. Лицо его было приятное и по-детски чистое. Глаза Вершинина были светло-коричневого цвета, но бывали такие моменты (минуты ярости, нервозности и раздражения), когда эти глаза цвета раухтопаза казались черными, будто всегда такими и были. Таков и был его истинный взгляд. Глаза были пытливыми и быстрыми. Могло показаться, что взгляд лучезарен и приветлив, словно маленький ребенок обрадовался сладкому угощению. Но если присмотреться, то через эти глаза можно увидеть изнеможенную, почти мертвую душу. Не зря говорят, что глаза – это зеркало души. Временами его взгляд становится темным, хитрым, зловещим и коварным. Его глаза были немного узковаты, под ними слегка проглядывали синяки неизвестного происхождения. Брови же были короткие, словно прореженные.

В большинстве случаев во время первого знакомства людей судят по внешности – подсознание каждого после первых трех секунд даст вам правильный ответ о том, кто этот человек и стоит ли вам завязывать с ним отношения. При виде Алексея Вершинина внутренний голос и чутье всех людей, которых он предаст, использует или обманет в будущем, давали сбой из-за этого приветливого и милого личика – все понимали истинную сущность этого человека только тогда, когда было уже слишком поздно. За этой обложкой сидело нечто страшное и пугающе коварное.

Цвет Лешиного лица варьировался от спокойной кремовой бледности до некоторого румянца. Никто и никогда не видел его небритым – лик пацана всегда сохранял блеск и чистоту. Вершинин обладал шелковистыми волосами черного цвета – на голове даже образовывалась небольшая шапочка. Волосы всегда блестели от чистоты – если не причесывать эту шевелюру, то она с удовольствием закрыла бы ему шею, глаза и уши. По бокам волосы слегка торчали в разные стороны. Вершинин стригся коротко очень редко, ибо гордился своими черными волосами. Заостренные макушки его ушей чуть проглядывали из-за волос. Подбородок у него был узенький и островатый, скулы были плавные. Рот Вершинина был немного длинноват, губы были гладкие, но тонкие. Когда он улыбался, рот удлинялся аж до щек, а края губ невольно загибались.

Когда он был сердит или расстроен, то кожа его бледнела, а взгляд чернел – с таким вот насупленным и недовольным видом он и ходил. А когда радовался, то весь светился. Радовался он всегда искренне, ведь что-то в жизни способствовало его счастью, радости и отличному настроению, но этого было чудовищно мало – ему нужна была помощь, но он откидывал эти

мышлишки подальше и не смел никого просить. Он не мог признаться в том, что ему порой бывало плохо, даже самому себе.

Несмотря на то, что он был умеренно накачан, Вершинин все равно выглядел худым. Лехе приходилось напрягать мускулатуру, чтобы пощеголять в таком виде и похвастаться. Он любил уделять пару свободных минут на самолюбование: больше всех на свете он обожал себя. Торс его был узок, а плечи наоборот были широки, как у весьма созревшего и внешне оформившегося молодого человека в самом расцвете сил. Ноги были тоже в меру худощавы, но это не мешало ему весьма озорно и быстро бегать и высоко прыгать.

Алексей Вершинин был человеком подвижным, любил модно одеваться. Последнее иногда выглядело вычурно, ярко и даже не по погоде, но главное было то, что это привлекало внимание. Особенно недешевые лейблы и марки. Но все это лишь крупница на фоне его скверного нрава и весьма оригинального характера.

Стояла прекрасная пора – самое начало лета. Утреннее солнце было ласково, по утрам светило ярко, беспрепятственно карабкаясь по чистому голубому небу. К полудню оно набирало силу и начиналось пекло. Жара не спадала до самого вечера. И только с приходом сумерек раскаленный город посещали прохлада и дуновения вечернего ветерка. А пока солнечный круг был высоко – температура неумолимо ползла вверх. Наша история случилась в первых числах июня – в перерыве между едиными экзаменами у школьников.

Первым пробудился Вершинин. Он открыл глаза, мигом сощурился от солнца и потянулся на кровати, выпрямив спину, втянув живот и чуть не свалившись на пол. Леша потер глаза и, опираясь на правый локоть, взглянул на людей, лежащих рядом. Сначала он не понял, в чем дело и кто эти люди. Он узнал только Витька, тихо похрапывающего.

Алексей сел на край кровати и осмотрел комнату. Вчерашняя веселуха занесла его в родительский дом, прямиком в их спальню. Это просторная комната с белыми стенами и большим окном, занавешенным шелковыми шторами, которые красиво извивались на сквозняке. Вершинин улыбнулся оттого, что оказался дома у родителей, а не у себя в квартире. Еще больше его развеселило то, что он был не один, а вместе с компрометирующей себя компанией. Оскалив белые зубы и издав звук, похожий на рычание, Вершинин тут же догадался, чем они вместе занимались в родительской спальне всю ночь напролет. Чуть не заржал он от одной только мысли, что бы случилось, если б его предки были дома – в данный момент они были в отъезде и должны были приехать сегодня ближе к ночи, так что Алексею можно было вздохнуть с облегчением. В период отсутствия родителей их сын обычно остается сам по себе: он может распоряжаться, как хочет, коттеджем родителей, своей квартирой и машиной. Одновременно с этим он активно просаживает свои деньги на машину, клубы, выпивку, друзей и девушек без особого контроля, хотя и при родителях особого контроля не наблюдается. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось... Но он все же засмеялся, чем разбудил своего друга – тот с протяжным стоном разбуженного после сладкого сна человека зашевелился на другом конце постели.

Вершинин осмотрел свои ноги, на которых появилось несколько синяков и проглядывали жилы; пальцы на руках были ободраны и немного побаливали. Болела и спина. По краям комнаты были расставлены всякие шкафчики, буфеты и тумбочки – там же было и зеркало. Немного погодя у Вершинина хватило ума посмотреть на свою спину, которая к его великому удовольствию и всего лишь небольшому неудобству была в пух и прах расцарапана.

Паренек стал вспоминать и мысленно вести диалог сам с собой, взявшись за голову и теребя волосы: «Так, что было? – спросил он себя и тут же игриво засмеялся, самому себе признаваясь. – Было хорошо! – он обернулся назад, а затем кинулся к своим джинсам, лежащим почему-то на тумбочке матери. Он полазил в них, осмотрел карманы и пересчитал оставшиеся деньги, сделав вывод. – Десяти косарей нет – значит было очень хорошо!» – вновь улыбнулся он. Бросив на пол джинсы, зазвеневшие от стали на ремне и пряжке, он вновь потянулся и

в одних трусах прошелся по комнате, потерся пятками о белый ковролин, а затем подошел к Витьку.

– Вставай, алкашня, – сказал Леша на ухо Ретинскому, а тот лишь отмахнулся от него, издав нечленораздельные стоны. Благодаря ним, он приоткрыл рот и принялся слюнявить подушку. Но Алексей продолжал допытываться. – Вставай, тебе говорят! Просыпайся, Витюша, иначе твоя Юлечка оторвет тебе... все, что у тебя снизу качается.

От этих слов Витек небрежно повернулся на постели, сдернув простыню и поджав под себя руки. Спустя секунду в таком вот положении он свалился на пол. От массивного тела Виктора, кажется, пошатнулся дом. Ретинский встал, оправился и увидел недовольную физиономию Алекса. Взгляд друга показался ему весьма необычным – он виновато опустил глаза и почесал шею.

Оба отошли от кровати и взглянули на лежащих там девушек. Вершинин показал ладонью в сторону кровати и сказал:

– Ну смотри!

– Ну смотри! – вторил ему Витек, ожидая дальнейших действий Алеши.

– Это что? – снова спросил его Вершинин, и не успел еще толком не вышедший из сна Ретинский ответить другу какую-нибудь очередную ржачную глупость, как Алексей его опередил. – Это еще одна потраченная ночь, – весело заявил он, засмеялся и хлопнул Витю по спине. А тот уж заподозрил неладное: как же это Лешка ночью недоволен?

Получалось, что мальчики вскочили раньше девочек и с недоумением смотрели на холодевшую от недостатка людского тепла кровать.

– Их же трое вроде было? – спросил Леша, вновь с удивлением показывая на кровать. – Две с улицы и девчонка гоу-гоу.

– Типа стриптизерша?

– Почти. Да не в том дело.

– Ушла одна, – ответил Витя, зевнув. – Ей сегодня ГИА сдавать.

– Что?! – не поверил своим ушам Вершинин и, вытаращив глаза, взглянул на друга.

Тот добродушно пояснил:

– Г-И-А, – проговорил он по буквам. – Это для девярых классов. У нас ЕГЭ, а у них ГИА. Ты, видимо, весь девятый класс у нас прогулял.

«Нет-нет, Витя! Подкупил всех ящиком коньяка», – подумал тут же мажор, но ответил иначе:

– Блять! – протянул Вершинин и взялся за голову, не поверив, что умудрился натянуть девятиклассницу. – Они же выглядят лет на 20! – удивился Леша, но вскоре успокоился. – Надеюсь, она тут больше не появится.

– А что же с этими делать? – спросил Ретинский.

Вершинин ответил с задором:

– Что надо, ты с ними уже сделал. Теперь осталось дождаться их пробуждения, а потом как можно галантнее попросить их уйти. Но если они до этого будут восклицать, какие мы хорошие, благодарить нас за ночь, то будем растягивать удовольствие, – смакуя каждое свое слово, говорил Алексей Вершинин.

Тут, услышав разговоры пацанов, проснулись две оставшиеся дамы, составившие компанию нашим героям и развлекавшие их всю ночь напролет. Вчерашняя танцовщица, спросонья прищуривав левый глаз от света из окна и приподнимая рукой свои длинные осветленные волосы, спросила:

– А что это вы не спите?

– Зарядка! – сморозил Витек. При этом надо было видеть удивленное выражение лица стоящего рядом Лехи.

Девушка гоу-гоу осмотрела их с головы до ног и спросила:

– Хм! В одних трусах? – пацаны тут же опустили головы и убедились, что они стоят посреди комнаты почти вплотную друг к другу в одних трусах. – Сексуально, – дала свою оценку неумолимая танцовщица, встала с кровати, неуклюже прикрывая свое обнаженное тело одеялом.

В таком виде она юркнула в ванную, преждевременно спросив, где здесь можно принять душ. Вторая же девушка, не вставая с постели, только ужасалась своим видом в зеркале, особенно растрепанной прической: вечером ее волосы были как-то по-особенному заплетены в косичку. Теперь всему этому пришел конец. После того как стало ясно, что с прической и опухшим видом ничего дельного сейчас не сделать, она долго искала свои шмотки по всему дому. Пацаны же не сдвигались с места.

Через несколько минут две ночные гости уже прощались с Ретинским и Вершининым.

– Спасибо за вечер, мальчики, – говорила танцовщица. Вторая девчонка была немного сконфужена всем произошедшим, поэтому предпочла помалкивать, а экзотической танцовщице было, видимо, не привыкать к подобным ситуациям. Как-то же привыкла, что куча мужских глаз не отрываясь пялятся на нее, столпившись вокруг, к тому же еще и фантазируют всякую похоть.

Тут Витек решил высказаться первый:

– У-у-у, он был жуткий.

После этой фразы Алексей нанес Вите удар локтем по животу, чтобы тот фильтровал базар, и поспешил добавить:

– Это он так шутит, – неестественно улыбнулся Вершинин. – Все было классно! Круто! Офигенно! Просто превосходно! Я на седьмом небе! – он даже немного закатил глаза.

Танцовщица приблизилась к Вершинину и совершенно неожиданно для остальных присутствующих медленно облизнула его лицо от щек до лба. Витек изумленно вытаращил глаза. Через секунду девушка впилась в губы Вершинина. Оба слились в последнем страстном и продолжительном поцелуе. Потом она вдобавок ко всему еще и поставила засос ему на шею, погладив мальчика по голове. Увидев царапины на его спине, автором которых была она, девушка, танцующая в злополучном ночном клубе, неслышно охнула и мысленно пожалела мажора, попавшего под ее горячую руку. «Хотя он ведь сам виноват», – подумала она и улыбнулась.

– Ах, Алекс, Алекс! Я тоже на седьмом небе. Вместе с тобой. Все-таки я так и знала, что ты еще тот маленький сорванец, – потрепала она его по щечке и отошла, оглядывая его голый торс с желанием повторить события ушедшей ночи. – До новых встреч.

– Конечно же, беспредельщица моя, – подмигнул ей Вершинин.

Вторая девушка была немногословна – она подошла к Витьку, легонько похлопала его по мускулистой груди, опустила глаза и сказала:

– Ну ты звони, если что.

– Хорошо, Иришка, так и сделаю, – тихо произнес Витя – создалось впечатление, что они друг друга стесняются или что-то от остальных скрывают. На фоне Ретинского его половая партнерша казалась лилипуткой.

Девушки, получив дозу положительных эмоций и запретных воспоминаний за эту бессонную летнюю ночь, величаво удалились.

Вершинин состряпал омерзительно-удивленное лицо и через силу спросил с долгими пробелами меж словами:

– Ее... Ириной... зовут?

– Да, – тихо сказал Витя и тут же поинтересовался. – А стриптизершу твою как звать?

Тут Алексей внезапно осознал, что не знает даже имени той, с которой развлекался первую половину ночи и спал всю вторую ее половину. «Вот это, блять, высший пилотаж!» – признался он сам себе.

– А я и не знаю, – совершенно спокойно ответил он. – Что стоишь-то? Отвори гостям калитку, – повелительно произнес Вершинин, и Витек бросился провожать девушек.

Сам хозяин, прежде чем отправиться на кухню за опохмелкой, пошел в душ, чтобы смыть с себя все, что прилипло к нему за минувшую ночь. Витек, вернувшись с улицы, проделал то же самое. Столовая в доме родителей Леша была весьма уютна, но немного тесновата, наверное, из-за обилия стульев, расставленных у стен, и массивного стола. Кухонная зона была оборудована по последнему слову техники. Однако любимым местом Вершинина (как младшего, так и старшего) была барная стойка. Она была просто кладовой напитков различного рода, алкогольных и безалкогольных, а также любых ингредиентов, чтобы быстренько сварганить какой-нибудь коктейль. Именно к этой стойке и пошел Алексей.

Найдя бутылку ароматного виски, Вершинин мигом наполнил бокал и смаковал буквально каждый глоточек этого напитка – он чувствовал, как вискарь нежно обволакивал горло и согревал сердце. Но, услышав, как из душа выходит Ретинский, что-то бормоча себе под нос, Вершинин спрятал бокал в ящик и прикинулся, что делает себе и ему легкий безалкогольный коктейль.

В кухню вошел Витек, вытирая свои коротенькие волосы большим полотенцем. Как и Леша, Ретинский не удосужился надеть ничего кроме трусов. Витя обрадовался, когда увидел, чем занимается Вершинин, и решил поддержать его благое занятие разговором:

– Слушай, я и не знал, что ты на шпагат садишься. Ночью сегодня видел и офигел просто.

– Боже, что творится, – удивился Алексей. Одновременно он восхитился своими возможностями, шуруя по разным чашечкам и бутылочкам. – Я садился последний раз лет 100 назад, и то потом горничная штаны зашивала, – усмехнулся он. Тем временем Витек покорно ждал, когда его порция холоденького будет готова. – Что ты еще хочешь мне рассказать по поводу вчерашнего? – спросил Алексей, желая повторно посмеяться или удивиться какому-либо событию прошлой ночи. Он знал, что откровение со шпагатом далеко не единственное.

Выпив стаканчик наспех сделанного Вершининым коктейля, название которого Витек не знал, а Вершинин не помнил, Ретинский задал глупый вопрос, который одновременно разве-селил и озадачил Лешу:

– Мы их трахнули?

– Нет, блин! Что за глупые вопросы?! – изумился Вершинин. – Приехали мы сюда с клуба страшилки рассказывать... и от темноты да страха они к нам в кровать и залезли. Конечно же, выебали! Как без этого – в моем доме девушкам без этого никак, – они оба громко засмеялись, – хотя сейчас я посмотрю, – он натянул двумя пальцами резинку на своих облегающих трусах – она шлепнула его по поясу.

Леша взлетел наверх, в пустую спальню, и, зная своего друга, сразу же заглянул под кровать. Там он обнаружил пару пустых бутылок, опустошенную и раздавленную, вероятно, рукой пачку презервативов и сами использованные контрацептивы в количестве нескольких штук.

– Всю ночь нас благодарили! – крикнул Вершинин. Через пару секунд в комнате оказался сам Витек. Алексей возмущился такой нечистоплотностью в доме и заявил. – Сколько раз про-сить тебя не бросать гандоны, где попало?

На это Виктор, улыбаясь, ответил:

– Ты должен меня понять: тогда было вообще не до этого, – оправдывался Витек, а мажор ради смеха прихватил с собой пластмассовую трубочку для напитков, аккуратненько подцепил ей один из контрацептивов и внезапно метнул его в сторону Витька, а тот на огорчение Вершинина успел увернуться. Но даже из-за этого Алексей уже катался по полу от смеха, а Витя с омерзением рассматривал свою ладонь, на которую, как ему показалось, пришелся основной удар.

Захлебываясь со смеху, Вершинин пытался говорить:

– Чего ты нос-то воротишь, а?! Наверняка твоих рук дело! И вообще – что естественно, то не безобразно.

– Да пошел ты! Хватит ржать! – повелительно сказал Витек, но Вершинин никоим образом не среагировал на его команду.

Когда Алексей наконец успокоился, Ретинский решил не давать ему повода снова поднять его на смех. Они спустились вниз и вновь сели на кухне. «Больше, урод, мусорить в чужом доме не будешь», – подумал Вершинин, а его взгляд сообщил это Ретинскому. Тот почувствовал себя неловко, поэтому всеми силами пытался скрасить обстановку:

– Ты взял телефон у той рыженькой с кудряшками, которая смылась раньше всех? – спросил Витя как ни в чем не бывало.

– Да не связывался бы ты с этими девятиклассницами – это до добра не доведет. Ладно, так уж и быть, сейчас гляну, – сказал Леша и полез в телефонную книжку своего «Айфона» и тут же наткнулся на сообщение о пропущенном звонке. Увидев его, Вершинин сделал глуповато-задумчивую физиономию, наполовину закрыв левый глаз, будто прицеливался. Только он хотел набрать этот номер, как Витя вновь прервал его:

– Странно, – произнес он, сидя на высоком стуле у стойки с задумчивым видом, словно древнегреческая статуя.

– Что странно? – спросил Алексей и отвлекся от телефона, повернувшись к другу. – Что мы очнулись сегодня так рано? Так это ничего страшного, не переживай... из-за школы, чтоб ее!

– Нет, – отрезал Ретинский, – не в этом дело. Почему мы всегда по пьяни приезжаем на хату к твоим предкам, а не к тебе?

Вершинин задумался:

– Хм, – фыркнул он. – Не знаю. С детства приучен, наверно. Да и ничего страшного: родаки привыкли, – сказал Леша, попивая холодный коктейль из большого стакана с долькой лимона на краешке и расхаживая вокруг, любуясь домом, раскидывая руки врозь, как бы показывая своему другу волю, свободу, простор, роскошь и богатство. И тут он торжественно заявил. – Двери этого дома, – хвастливо и гордо говорил он, – всегда для меня открыты, как и для моих предков открыты двери моей квартиры!

Конечно же, здесь он слукавил, чтобы произвести впечатление на Витю Ретинского, который зачарованно слушал его, наблюдал за величественными движениями господина-хвастуна. За всю свою жизнь Вершинин ни копейки денег не заработал – все было куплено родителями. Алексей воспринимал это, как некие дары в его адрес. За то, что он есть на этом свете и радуется предков своим существованием. Неслыханная наглость.

Витек уже давно чуял аромат виски, витающий по комнате и источающийся от Вершинина, долго не решался открыть рот, но потом все-таки выдал:

– Мне бы хоть опохмелиться предложил, жадина! А то дел сегодня куча – боюсь, шея сломается.

– Ага, знаю я твои дела! – нагло налетел на него Вершинин, решив отказать, но потом подумал, что так будет нечестно. – Ладно, бедолага, имел ночью двух баб сразу, умаялся, бедный. Так уж и быть. В шкафчике под столом возьми, – Алексей указал на приоткрытую дверь отцовского кабинета, через которую виднелся письменный стол, полный всяческих бумаг, аккуратно разложенных по стопкам. Окна в кабинете были плотно зашторены; из коридора также было видно пару кресел, журнальный столик и огромный книжный шкаф. Витек побежал туда, а хитрожопый Вершинин достал из стойки недопитый бокал виски и залпом залил в себя остатки напитка.

– Здесь коньяк полупустой! – крикнул Виктор.

– Все правильно, – ответил Леша, – тащи его сюда!

Витя принес бутылку коллекционного отцовского коньяка. Увидев ее, Вершинин удивился:

– Ах, она еще не кончилась! Отец обычно употребляет, – стукнул он по бутылке, – когда пишет речи или в бумажках своих банковских роется, что еще хуже первого. Ни хрена я в этом не шарю... не понимаю эту бодягу и все, – тут на него немного подействовал коньяк, перемешанный с виски. Обычно Леша не позволял кому-то усомниться в своих умственных способностях. – Но одна я знаю точно: это ужасно прибыльная штука.

Вершинин заявил это с ноткой хвастовства и гордости, аккуратно намекнув Витьку, чтобы он оглядел роскошь помещения и вообще всего дома, чтобы убедиться в сказанном. Витек изначально вырос в менее благополучной среде, нежели Алексей, но, проникнув в мир богатства, в котором с рождения обитал Вершинин, Ретинскому захотелось жить так же (он всегда мечтал вырваться из окружавшей его атмосферы и зажить по-другому), поэтому именно он и научил мажора Вершинина использовать все свое богатство и авторитет, чтобы шляться по клубам, употреблять наркотики, цеплять и трахать девушек, пользоваться привилегиями и возвышаться среди своих сверстников и при необходимости распоряжаться ими. На все это Вершинина толкнул именно Витек – от него больше ничего и не требовалось, как просто показать, а Леша сам с удовольствием втянулся в это дело, поблагодарив друга и прихватив его с собой. Ретинский использовал его, словно подопытного кролика, и получил нужный результат – теперь он был вхож в семью богатенького раздолбая, который вдобавок любил и уважал его. Но с течением времени эксперимент Витька вышел из-под контроля, ведь отныне получалось, что Вершинин опекал Витьку, а не он Вершинина – этот факт иногда раздражал Ретинского, но когда он вспоминал о том, что имеет с этого хорошие дивиденды, то успокаивался. «Главное, чтобы этот богатый мудака не задевал моих интересов и не тянул руки в сторону дорогого мне», – именно такое и было условие у Вити – он был не так простоват и глуп, как могло показаться ранее. Просто прикидывался. Порой нет.

Тем временем Вершинин продолжал свою пламенную речь, а Ретинский терпеливо его выслушивал, понимая, что все-таки выгодное ему знакомство за столько лет переросло в настоящую дружбу. Теперь Алексей Вершинин настоящий друг и брат Виктора Ретинского, а по поводу отношений друзей Витя имел четкую и принципиальную позицию.

– Они хотят, – говорил Вершинин, подперев голову рукой, – чтобы я стал экономистом или что-то вроде того, а я хочу чего-то своего... чего-то особенного.

– Ага! Знаю я, чего ты хочешь – я бы сказал тебе, что это, и даже показал бы... да только боюсь, что у тебя встанет, – заржал Ретинский.

– Сука ты! – заявил Вершинин, поняв, что теперь его братишка посмеялся над ним, отыгрался. Уверовав, что его шутка с резинкой была бесподобна, Вершинин все-таки засмеялся вместе с Витей. – Завали хлеборезку, засранец!

Они мигом допили коктейли и в качестве примирения прислонились друг к другу лбами и громко закричали, как обычно и делали.

Позже Вершинин решил довести до дома своего закадычного дружка. Алексей не мог позволить себе за одни сутки появиться на людях в одном и том же прикиде, поэтому он потратил несколько минут на переодевание. Витек остался в том же – его одежда насквозь провоняла клубом, сигаретным дымом, потом и алкоголем, но его это не беспокоило. Вершинин вышел на крыльцо дома, где его ждал Ретинский, рассматривающий причудливые богатые дома в элитном поселке на окраине города. Леша облачился в черную рубашку с еле видимым красным орнаментом и темно-синие джинсы. На ремне была большая пряжка «Dolce & Gabbana» серебристого цвета; на ногах красовались новые синеватые кроссовки с белой подошвой, которые немного жали Вершинину, но вскоре должны были разноситься.

– Спать охота, – признался Витек, зевнув.

– Ты ведь спал! Что тебе еще надо? – вырвалось у мажора. Он, ловко спускаясь по ступенькам, сунул руки в карманы, рыская в них в поисках ключей от машины, стоящей во дворе. – И вообще: сейчас мы на вершине своей сексуальности, активности и могущества, поэтому нужно испробовать все, что нам приготовила жизнь. Насладиться, надышаться ею. Надо жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывать, что я и делаю... А у тебя, Витя, еще и на сон время есть. Так нельзя.

Вершинин при первом взгляде на свою машину – это был серо-зеленый «BMW 525-i» представительского класса – потерял дар речи, потому что увидел на своей самой дорогой игрушке вмятину со стороны передней пассажирской двери и отходящие от нее царапины. Сначала был настолько длинный и жесткий мат, что я, ваш автор, не осмелюсь здесь его приводить; затем парень с криком бросился к машине и принялся кропотливо ее осматривать и вздыхать. После трехэтажных матов и прочих проклятий, вздыханий и хождений вокруг автомобиля Алексей все-таки смог на человеческом языке выговорить пару фраз:

– Епть, твою мать! Какого хуя?! Это все откуда?! – возмущенно говорил он, взявшись за голову.

– М-да, жестко, – признался Витек, взглянув на вмятину. – А ты не помнишь, что ли? – вновь навел интригу Ретинский. – Все это от шпаны поганой, – заявил он и вновь услышал мат продолжительнее всех прежних.

Леша вновь попытался успокоиться, жестаи пытался руководить своим дыханием и уселся на газон:

– От кого? – недовольно переспросил Алексей, посмотрев на Витю разозленным взглядом цвета разбавленной водой нефти. – Порву этих гнид, сука! – заорал он, одним ударом ноги вскопав землю на газоне с травой неестественно зеленого цвета. – Вырежу им яйца тем, чем они машину поцарапали! – разошелся Вершинин.

Витек кинулся его успокаивать, но тот отстранился от него, крепко сжав руки в кулаки, и скомандовал другу сесть в машину.

Оказавшись в машине с Ретинским, Вершинин выщедил:

– Рассказывай, – Вершинин принялся слушать своего друга, который сохранил в памяти все события вчерашней ночи.

Глава 2 «Клуб»

В этом клубе всегда было много народа: заведение было самым крутым и модным в городе. Некоторые кадры зависали здесь сутками, тусовались чуть ли не каждый день. Также клуб, наверное, удовлетворял широкому спектру потребностей нынешнего продвинутого городского населения (имеется в виду население в группе возрастов от 16 лет и выше). Там было все: и просторный танцпол с несколькими ярусами, балконами и диджейским пультом посередине, и отменный бар, и уютные ложи. В некоторых местах на танцполе (обычно где-то в центре либо около диджейского пульта) возвышалось несколько подиумов с шестами, предназначенных для выхода очаровательных полураздетых танцовщиц. И, конечно же, строгий face-контроль у входа — без него никак.

Днем это место выглядело невзрачно. Зато ночью оно сияло, шумело и привлекало внимание: то и дело в окрестных домах слышали музыку, громкие разговоры, вокруг шарахались компании молодых людей (часто нетрезвых), среди ночи проносились и резко останавливались машины. Именно ночью здесь открывались врата из скучного и угрюмого реального мира в мир параллельный, веселый, непринужденный, запретный и одурманивающий.

«Отдых, кайф, веселье, расслабуха — это ведь жизнь на благо самого себя. Что же вы можете знать об этом?» — важно поговаривал Алексей Вершинин, как только речь заходила о развлечениях. В этом мире наш главный герой считал себя одним из самых профессиональных и опытных игроков. Когда-то давно он сам был новичком. А затем окунулся туда, всеми фибрами души ощутил новую реальность и остался в ней навсегда. Этот веселый и беззаботный мир, который к тому же позволяет без особого напряжения, сил и стараний расслабиться и забыть о проблемах, всегда пленяет каждого человека, кто ему поддался.

Для кого-то непонятно, какой может быть отдых от оглушительной музыки, употребления спиртного и бесконечного курева. А для кого-то это обыденность, легкий способ развлечься. И, кажется, последующая за всем этим вялость, усталость, головная боль, похмелье и подступающие к горлу рвотные массы никого уже не удивляют, как бы считаясь еще одной неотъемлемой частью вечного праздника. И на все это только один ответ — это круто, это модно, так делают все.

Тусуются в клубе обычно целыми компаниями — одиночек не понимают, иногда даже не верят, что в такой обстановке они вообще существуют. Придет, допустим, человек в клуб и еще несколько людей с ним — они скинут в гардеробчике верхнюю одежду, отдадут ее приветливой бабушке, словно в театре, и пойдут занимать места в помещении, которое постепенно заполняется народом. Тянет поскорее расслабиться. Тут они и не знают, куда податься: посидеть и покурить кальян, потанцевать или кинуться к стойке, чтобы поскорее взять себе чего-нибудь погорячее.

Поначалу одолевает какая-то скованность, но знакомые да и вообще окружающие, кажется, не стесняются ничего; невольно начинаешь с кем-нибудь общаться. Заиграет музыка, но танцевать пока никто не спешит — пустой танцпол уже манит разогревающими треками и множеством ярких огней. Но просто так здесь никому не танцуется: народ же пришел не в танцевальную школу, а в клуб, причем ночной. Для приподнятого танцевального настроения нужно накатить — с этого и начинается вечер. От первых совместных рюмок и бокалов чего-нибудь легенького все потихоньку переходят к одиночному приему внутрь напитков более высокого градуса. Они делают это в спешке, чтобы поскорее войти в состояние эйфории — именно в этой спешке «топливо», нужные «эликсиры», доведенные до приемлемой и не очень консистенции для организма, стремительно заканчиваются. Запасы на столе тают на глазах, а люди хотят еще раз вкусить тот или иной напиток, ибо понимают: эти напитки, кальяны, сигареты как-то странно действуют на человека изнутри, будто снабжая его чем-то приятным,

вкусным, полезным. Они согревают человека неизвестным и дурманящим теплом – этот вкус постепенно опьяняет и с каждым глотком становится все приятнее, ибо это не так горькая гадость, которая была в самом начале. Нет, сейчас все совсем наоборот. А если это всем по душе, за этим следует простой вывод – мы жаждем еще. Тут уже нет никакого контроля: в этом деле ты абсолютно самостоятелен и предан только самому себе, даже деньги теперь никто не считает – они либо есть, либо их нет, а нет денег, то нет и веселья. Единственный контролер вокруг – не ты, а тот, кто рядом, кто предлагает выпить еще и кто наливает.

Перед состоянием радостного и пленительного расслабления наступает некоторое возбуждение – под конец дня откуда ни возьмись возникла недюжинная сила, бьющая из тела ключом, сердце отныне бьется в бешеном ритме, разогревая тело свежей кровью, которая постукает в ноги, в руки, а главное – она ударяет в голову. Это сильнейшее желание нужно срочно обуздать, эту поступившую энергию нужно использовать, сжечь, выпустить наружу. Первое, что попадает под руку – как потенциальный пожиратель появившийся у людей энергии – это ритмичная музыка, а также толпа танцующих повсюду людей. С каждым движением они понимают, что довольны жизнью, что счастливы, не пожалели, что пришли сюда, ведь им это нравится, они наслаждаются, поэтому прерывать все это – непростительный грех, а остановка может быть приравнена к измене телу и смерти. И эти чувства искренние, заразительные, и каждый отныне не может оставаться в стороне от них, либо он тот самый гонимый всеми одиночка, скучный человек, которого никто здесь не понимает да и не старается понять. И все оставшиеся люди присоединяются к этой счастливой толпе и вместе со всеми пускаются в пляс. А тут и музончик подходящий; все двигаются в темноте, которая прорезается разноцветными лазерными огнями, словно тончайшими нитями.

Танцующая толпа обновляется: те, кто танцевал, в суматохе ищут своих друзей, свое место и оставшуюся выпивку или кальян. Появляются первые признаки усталости, но они почти не ощутимы и как-то сами исчезают с очередным глотком горячительного напитка и глубоким вдохом дурманящего пара из кальяна. И так весь процесс после очередного вдоха и очередной опустошенной рюмки повторяется снова – тут уже все зависит от степени опьянения, желания расслабиться и от здоровья человека.

Все начинает работать по одному и тому же кругу, по тем же механизмам, словно по накатанной. На этом положительные эмоции и все то хорошее (по мыслям отдыхающих), что воздействовало на их тела, заканчивались, и запускался противоположный процесс, за которым всегда любил наблюдать Алексей Вершинин вместе со своими друзьями – он невольно глумился над теми, кого закрутил беспощадный клубный механизм. Так, через несколько часов (у всех по-разному) энергия и заодно приподнятое настроение, которые на протяжении последнего времени буквально возникали из воздуха, теперь внезапно исчезают. Здесь опять же срабатывает простая логика: человек путем простых умозаключений понимает, чем и как следует вернуть потерянные чувства и исчезнувшую силу, чтобы этот так хорошо начавшийся вечер, переходящий в ночь, не кончался так быстро. Ответ прост – тем же, чем и получил все ранее: алкоголем, кальяном или чем-либо запрещенным. Сейчас же в полусонном тумане и нескончаемом шуме от музыки, которая все никак не хочет заканчиваться, человек бросается к алкоголю. В этом состоянии его уже невозможно остановить и направить в какую-нибудь другую сторону: либо продолжение, либо конец – пан или пропал.

Именно в этот момент дальнейшее развитие событий в клубе, происходящих с одним человеком (на самом-то деле таких людей там много, но в общей толпе их не видно – нужно постараться, чтобы их заметить), может пойти по нескольким сценариям. Самый худший вариант: для некой «подзарядки» человек бросается в разные стороны в поисках непустых стаканов, рюмок, бутылок, источающих пар кальянов (и неважно, твой это стол или чужой), если у него не осталось денег на новое. Если же немного денег осталось, то от худшего сценария человек себя пока отодвигает, но в следующем круге он может к нему вернуться, а пока его

жизнь принадлежит более благоприятным сценариям (о них я поведаю чуть позже). Итак, что же здесь худшее?! В этих безрезультатных поисках начинается отчаяние – здесь есть выбор: умирать в муках жажды либо через силу вырваться из этого круговорота. В таком вот состоянии неопределенности и отчаяния этого человека может заметить кто-либо из его компании и поделиться с ним выпивкой. Если же этого чуда не случилось, – все остальные его сопровождающие тоже в подобном состоянии или на стадиях, близких к нему – то внезапно, словно ниоткуда, к бедолаге подбегает некто незаметный, невзрачный и стремительный, озирающийся по сторонам. Нет, это не карманник: они промышляют, где угодно, но сюда редко заходят. Этот неизвестный что-то предлагает этому настрадавшемуся, усталому и разбитому человеку – мол, поможет тебе это, ты получишь, чего желаешь, и показывает либо маленькие таблеточки, либо пакетики с порошком неизвестного происхождения. Естественно, если тут же прийти в себя, то можно отказаться и послать доброжелателя подальше, но в такие моменты взять себя в руки трудно. Опять же следуя простой логике и первичным инстинктам, заложенным природой и современной городской средой в человека, идет простая смысловая цепочка: этот человек, он из клуба, из этой веселой и счастливой обстановки, он не предложит плохого, ведь он желает спасти меня, хочет мне помочь. Вот и наступает тот самый неяркий, но ключевой худший момент – именно здесь жизнь человека может повернуться с ног на голову. Начнется она с его же согласия или еще проще – с тупого кивания головой. Главное в этом деле у торговцев смертью – уговорить попробовать, просто так, за бесплатно. И это безотказно действует в любом случае: после этот бедолага приползет к ним за добавкой, ведь не сможет побороть в себе это гнетущее желание вкусить зелье еще. Тогда-то дилеры отыграются на нем – смогут обращаться с ним не как с человеком, а как с денежным мешком.

Как-то раз, отбившись от рук бдительного Виктора Ретинского, Вершинин совершенно случайно подсел на это страшное дело. Пробыл наркоманом он недолго, но за это время успел повидать всякое, ощутить все радости от принятой дозы и все ужасы ломки. Стараниями Витька и парочки его соратников Лешу смогли поставить на ноги, не дали подсесть основательно, оборвали все его связи с наркодилерами. Когда он оклемался и осознал, что на самом деле произошло, он несколько недель сам пытался побороть съедавшее его изнутри сильнейшее желание принять новую дозу, а когда был близок к срыву, то звал Витька и его знакомых. Они мигом выбивали из него все желание – иногда это проходило при помощи простого словесного внушения, иногда при помощи специальных препаратов, иногда даже при помощи грубой физической силы. Так повторялось с десяток раз, пока Алексей до конца не осознал всей пакости наркотической зависимости – всю дурь из него выбили. Но следы остались: теперь он до смерти боялся вновь испытать все эти муки ломки, но одновременно его легко было подсадить вновь, даже несмотря на то, что он сам во все глаза следил за попытками ушлых дилеров вместе с Витьком. Вершинин и Ретинский были очень хорошо осведомлены обо всех этих схемах.

Что ж, если же мыслить не так пессимистично и радикально, то после того, как человек понимает, что его волшебная энергия куда-то подевалась, дело идет в руки наиболее светлых сценариев, нежели первый, худший сценарий. Сценарий первый (для новичков и наиболее слабеньких и уязвимых): энергия иссякла, после попыток восполнить ее запас интерес человека к этому теряется и он, если выпил не очень много, разворачивается и уходит. Если же выпил много, то появляются внезапная усталость и утомление – они вместе высасывают все оставшиеся силы, округа покрывается туманом, звуки не ласкают слух, а одним сплошным потоком бьют по голове и ушам, люди вокруг превращаются в надоедливые и мельтешащие фантомы, вызывающие отвращение. При таком развитии событий человек либо тут же засыпает, либо не спит вовсе, но на какие-либо сложные действия, чем вдохание, выдыхание, закрывание и открывание глаз, более не способен. Сценарий второй: опять-таки от чрезмерного употребления внутрь отравляющих все и всех вокруг жидкостей и вдыхания наиболее вредных паров от

сигарет и кальянов и последующих попыток восстановления прежнего душевного состояния муки пострадавшего за вечер тела вываливаются все и сразу: тут и головная боль, рвота, заплетающийся язык, дрожащие ноги. Сценарий третий (для наиболее буйных и стойких – он, правда, немного не комфортен для окружающих): попытки морально и физически вернуться в начало этого вечера могут увенчаться успехом... Но в большинстве случаев на практике чуда не происходит – чудеса на следующий день будет творить молодой организм человека, который будет всеми способами восстанавливать подкошенное здоровье и нормальное самочувствие. Правда, с течением времени восстановительный процесс будет давать сбои, внутренние резервы будут истощаться, и в один прекрасный день он не сможет справиться со всем этим и откажется работать вовсе. При последнем варианте человек будет очень громко и яростно выражать свое недовольство тем, что он, видите ли, больше не то, что был пару часов назад, а продолжать веселуху хочется. Позже он будет недоволен уже всем подряд, с непристойных слов переключится на агрессивные жесты, которыми уже будет управлять откуда-то внезапно взявшийся крутой, развязный и буйный нрав. При помощи всех этих средств человек будет стараться понять, почему все вокруг веселятся, а с ним происходит что-то иное, не такое, как у остальных, почему ему постепенно становится не по себе. Тут может прийти не только до недоумевающих взглядов посторонних, но и до открытых конфликтов с первыми попавшими под горячую руку лицами. Конечно, причиной всех этих конфликтов является нрав, управляющий неосторожными жестами и не управляющий языком. Достаточно вновь вспомнить фразу, которая все объяснит: что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. При таком раскладе, очевидно, кто-то проиграет, понесет потери, а спокойного решения назревших конфликтов (погромов и драк) ждать не приходится.

Так что, находясь в такой непринужденной атмосфере, скрывающей много чего неприятного, можно зайти слишком далеко. Странно, конечно, но следует признать, что большинство людей, которые именно так отдыхают, действительно ловят от этого кайф. Происходит открытая деградация – от трезвого ума и самоконтроля до абсолютно неадекватного состояния.

Одним из таких людей, научившихся не только не попадать в подобные ситуации, но и получать от всего этого недюжинное удовольствие, был Алексей Вершинин. Это давало ему некую фору, превосходство над прочим людом, посещающим клубы. Он всегда заходил в клуб, словно его король, и всегда занимал центральную ложу, раздражаясь, если она уже была кем-то занята. Сгоняя потом всех тех, кто посмел ее занять, Вершинин всегда гулял с размахом – нужно ведь все успеть и все испробовать, говорил он.

Алексей Вершинин был завсегдаем этого заведения. Он вел себя гордо, вызывающе, пафосно и по-хамски. Одновременно с этим он держал себя весело, беспечно, даже чуток легкомысленно. Ему нравилось все, что его окружало – клуб был одним из немногих мест, где Алексей чувствовал себя свободно, где, как он сам говорил, весь мир падал к его ногам. Такая обстановка заводила его не по-детски. Тут он на полную катушку отдыхал, расслаблялся и от души развлекался, словно маленький ребенок. Он был горд за то, что может позволить себе именно таким образом проводить время, что все это только для него одного. В такое время Вершинин как раз чувствовал себя на той самой вершине мира, выше всех на свете – это была его давняя мечта, и он всегда стремился к ее исполнению. Он видел всех остальных и понимал, как сильно он отличается от них: как он сильнее и влиятельнее, богаче и умнее их всех. Вершинин находился в том самом жерле подвижной, вертящейся молодой жизни! Все карты были перед ним: хочешь – разбрасывайся деньгами, показывая остальным, как их у тебя много, хочешь – кадри девушек и поебывай их где-нибудь в тихом уголке (в каждом заведении были такие) либо увози их домой. А от возможности напиться до усрачки он просто неистовствовал.

Как же он стремился к этому величию и как закатывал глаза, понимая, что жизнь удалась, и одновременно не понимая тех, кто хочет ее лишиться. «Дураки, – легкомысленно говорил он

им в ответ, – ни хуя вы в этом не шарите! Отойдите в сторонку, неудачники!» Очевидно, что о последствиях неосмотрительной разгульной жизни Алексей Вершинин даже не задумывался.

В ту ночь в клубе было много народа – все-таки лето началось. А это каникулы, отпуска – куча свободного времени. Для начала следовало хорошенько оттянуться. Клуб жил. Только кто-то в нем опускался, а кто-то возвышался. Больше было первых, чем вторых...

В самый разгар ночи в клубе возникли Вершинин, одетый в белую рубашку с закатанными рукавами и черные джинсы с туго затянутым ремнем, и Ретинский, который всегда одевался примитивно (на нем была немного потрепанная рубашка светло-сиреневого цвета и облегающие его мускулистые ноги брюки). Пацаны сразу же заняли центральную ложу прямо посередине обеденной зоны и неподалеку от первого подиума с шестом. Все шло как обычно. Началось наглое разбрасывание денег, заказ всего и сразу, от которого весь стол вскоре заполнился всяческими напитками и легкими закусками вместе с кальяном. Это не могло не привлечь внимания посетителей, в особенности особ женского пола, которые то и дело стали подсаживаться к двум улыбающимся пацанам, которые явно были при деньгах.

В клубе было не протолкнуться: народ ходил всюду и веселился, на танцполе движение не останавливалось ни на секунду, к барной стойке было не пройти, компании стояли по углам и вдоль стен, у поручней балконов, у дверей. Официанты шныряли туда-сюда, спеша и суетясь.

Через эту толпу гостей и персонала к барной стойке неловко протискивался состоявшийся весьма крепкий мужчина в синеватом пиджачке и солидной рубашке при галстукке. Блондин нарочно прилизывал волосы в левую сторону – это создавало вид, будто на нем надет светло-желтый берет. Помимо массивного тела, натренированного в зале и в кровати с любовницей, он обладал массивным скандинавским, чуть ли не квадратным лицом с узкими глазами и длинным заостренным носом, словно у ледокола. Рот его был широк, а щеки были впалые. Из этого рта вырывался бас, который даже при шепоте был оглушительным. Это был управляющий ночного клуба – Валентин Гончаров. Он не переносил коверканий своего имени вроде «Гончара» или «Вали».

Он, извиняясь на каждом шагу, раздвигал стоящую молодежь в разные стороны и вскоре все-таки зашел за стойку, где помимо двух покорных девушек-барменш активно орудовал стаканом и профессионально жонглировал бутылками невысокий бармен по имени Миша. Ему недавно стукнул 21 год, а его ежемесячному заработку мог позавидовать опытный инженер крупного оборонного предприятия. Миша стоял на тонких ножках, наполовину прикрытых фартуком. Сверху он был одет в белую рубашку с блестящими полосками, поверх нее красовался свежесглаженный мамой черный жилет, словно он был не барменом в клубе, а крупье в казино. На вид ему можно было дать лет так 15-17. По внешности, даже несмотря на элегантную бородку (лицо его было выбрито гладко – вся растительность находилась строго под подбородком), в нем все равно угадывался вчерашний мальчик: он был худощав, курнос, весьма улыбчив и временами пугал всех своей серьезностью и закрытостью, но даже из-за этого его почему-то никогда не воспринимали всерьез, что его очень задевало. Он обладал весьма необычным голосом, будто что-то внутри не давало прибавить его глуховатый тембр на полную громкость. Треугольный подбородок, широкое лицо, темно-голубые глаза и коротковатые черные волосы в тон бороде завершали его мальчишеский образ. Еще одним его минусом были крупные кисти рук, но, благодаря своему упорству (иногда это смотрелось, словно он нарочно играет на публику), он сладил и с этим недостатком – его руки умели многое, он в совершенстве овладел искусством бармена. Недавно он получил в попечение двух барменш – тут он распорядился ими как самый строгий начальник, причем не обращая на девушек никакого внимания с чисто мужской точки зрения. После нескольких намеков и подкатов к главному бармену стажерки сдались, а позже стали над ним посмеиваться, считая сначала, что он гей, а потом они подняли планку до неуверенного в себе девственника.

Управляющий, как и его подчиненный, знали обо всем, что творилось в клубе – они знали и о механизмах спаивания, и о кругах, о которых я рассказывал ранее, и самое главное – они были осведомлены о наркоте, которая крутилась здесь под их присмотром. Они получали солиднейшие барыши за нее. Причина такого риска точно неизвестна: управляющий считал, что клуб на грани потери авторитета и клиентуры; бармен думал, что его шеф таким способом копит на дорогой подарок его любовнице-официантке. Хотя обычно наркодельцы не спрашивают, что думают те или иные люди. Гончаров и не подозревал, что наш бармен Михаил уже давно замешан в терках между наркоторговцами. Он был одним из связующих звеньев в городской торговле убийственным зельем, поэтому заинтересованность клуба в новом «виде деятельности» была весьма на руку натасканному в этом деле бармену.

Миша отлично знал Алексея Вершинина – они когда-то были связаны подобными нарковзаимотношениями. Первый тайный штрих к Лешинуму пристрастию к наркотикам внес, кстати, сам Михаил, но Вершинин так и не догадался об этом. Миша тайно возненавидел Алексея, когда тот порвал с покупкой наркоты: был потерян источник не только заработка, но и морального удовлетворения бармена, который держит на крючке одного из самых крутых парней в городе.

Мишаня сразу заметил Вершинина, величаво прошедшего мимо охранников на face-контроле, но не стал контактировать с ним, поскольку не хотел ворошить прошлое и страшился, что кто-то все же выдаст Алексею его тайну. Несмотря на это, бармен не отводил глаз от центральной ложи.

Как только к Мише обратился управляющий, бармен разогнал стажерок по делам и, вертя маленьким термосом перед длинным носом Валентина, сделал серьезный вид и принялся слушать, что говорит ему начальник. Гончаров показал пальцем на Вершининскую ложу:

– Смотри-ка! Те двое за центральной ложей расселись серьезно, – Гончаров поднял указательный палец вверх, мол, учись, стажер, как нужно определять потенциальных разбрасывателей денег. Миша намек понял и воспринял его с презрением. Управляющий продолжил. – Обложились выпивкой, шлюхами и кальянами этими вонючими, – он не выносил любых запахов дыма. – Ты отлично понимаешь, чего им не хватает... Займись этим, – Валентин хлопнул бармена по груди, поправил свой пиджак и неторопливо побрел по залу, заложив руки назад и кивнув сначала охранникам, кальянщику, а затем и растянувшейся вниз головой на шесте танцовщице гоу-гоу. Он и не удосужился узнать Вершинина.

– Сделаем, Валентин Игоревич, – ответил ему бармен и принялся за дело, долго думая, подсыпать ли Лешке чего-нибудь или нет. В такие моменты он был сосредоточен и даже стал нервно грызть ноготь на указательном пальце правой руки, обнажив свои кривоватые зубки.

Миша позвал одну из барменш обслуживать клиентов, а сам удалился в дальнюю подсобку, где и была спрятана наркота, расфасованная по пакетам в коробках из-под сигарет и водки. Уровень скрытности: практически нулевой.

Тем временем мажор Вершинин уже порядочно повеселел от выпитого и выкуренного, что принялся вести себя слегка безбашенно. Он кричал и махал руками – в одной руке была трубка от кальяна, другая рука успевала обнимать подсевшую к ним деваху, которая уже всю шарилу то в штанах у Лехи, то у него под рубашкой:

– Эй, Мишаня! – наглым тоном орал Вершинин. – Михаил! Тащи-ка еще водочки! Да с лимончиком! – сказал он, в очередной раз засасывая трубку кальяна.

Несомненно, его очередная гулянка пройдет с размахом. Для него было главным то, что ему было хорошо, а какая цена за это уплачена и какие силы потрачены, ему было плевать. Рядом с ним, помимо девушек, которых Леха знал не по имени, а, скорее, по их выдающимся внешним данным, всегда был его кореш Витек Ретинский, который невольно поглядывал за поведением и действиями своего дружка, постоянно ему улыбаясь. Но сегодня Витя перебрал и умилился всему происходящему вокруг. Он наблюдал за своим богатыньким другом и не

мог понять, сосредоточен ли тот, как акула, либо весел и расслаблен. Поглядывая на Алексея, Витек сделал вывод: «Лехе хорошо!» Сам Виктор развалился на диванчике и вертел головой в разные стороны, подолгу останавливаясь или на лице Вершинина, или на заднице какой-нибудь проходящей мимо девушки.

Вите Ретинскому в скором времени должно было исполниться 20 лет, и его никоем образом не задевал тот факт, что к этому возрасту он заканчивал только 11 класс. С Алексеем Вершининым они дружили очень долго, начиная еще со средней школы; их крепкая дружба в классе была образцово-показательной. Они были заядлыми гуляками и верными товарищами, несмотря на то, что были людьми различных интересов и взглядов на мир и состояли в разных слоях общества. Парень из неблагополучной семьи никак не мог сдружиться с избалованной мальчишкой с кучей понтов из семьи богатой и состоятельной. Но с каждым годом их дружба крепчала.

Виктор Андреевич Ретинский имел весьма крупное телосложение, благодаря крепкой спортивной мускулатуре. Ростом он вышел весьма приличным – 186 сантиметров, весил около 85 килограмм, благодаря опять-таки своим выдающимся физическим данным. Никогда Витек не блистал интеллектом, учился неважно – его наполовину воспитала улица, так как он вырос в не совсем благоприятных условиях. Все называли этого волевого, крепкого, веселого и немного глуповатого паренька полусиротой, поэтому с самого детства он рвался к богатой и роскошной жизни, чтобы расстаться с плохими воспоминаниями из прошлого и зажечь с чистого листа, зажечь достойно.

Помимо сильных ног и рук, широких плеч, железного торса и выносливого организма в целом Витек обладал весьма запоминающимися, а с другой стороны весьма обычными чертами его большого лица. У Виктора была толстая шея, переходящая в голову небольшого размера. Лицо было плавно округлено – эта округлость нарушалась только в районе тупого, чуть загнутого подбородка, разделенного на два небольших изящных бугорка. Благодаря короткой стрижке, его твердый и широкий лоб, покрытый мелкими пигментными пятнами, оголился полностью (тут наглядно демонстрировались не только упертость вместе с пробивным и вспыльчивым нравом, но и твердолобость в плане умственном). К слову о стрижке: Витя всегда стригся коротко, чуть ли не налысо, оставляя короткие волосы, которые стояли торчком. Бывало и так, что он просто оставлял на голове простую ровную полоску волос, а по бокам выстригал абсолютно все; считал, что подобные стрижки делали его взрослее, внушительнее и солиднее – в некотором роде он был прав. Эффект временами был обратным, когда все видели перед собой вполне сложившегося мужичка и приходили в недоумение, когда понимали, что это всего лишь школьник. Ретинского можно с уверенностью назвать лопухим – именно эта часть его головы всегда привлекала внимание и больше всего смешила всех, девушек в особенности, которые старались ухватить его за эти ушки, а впоследствии и еще за кое-что... Его лицо выражало эмоции весьма разнообразно – он буквально светился от счастья и почти детской радости. Порой от грусти и горя он был угрюм, как туча (но грустил он всегда в одиночестве, наедине с собой).

Витек был обладателем тяжелых кулаков с покрасневшей и суховатой кожей на них. Он был в меру привлекателен: высок, силен, жилист и мускулист, но что-то в нем отталкивало. С ним было трудно обходиться. Новым знакомым он улыбался, но это не означало, что он был расположен к чужакам. Он доверял только надежным людям и сам был надежен для тех, кто открылся ему. Витя долго учился верить, ценить и доверять людям по-настоящему, однако временами человек, которому доверяешь, может ударить тебя в спину. Ретинский время от времени был очень даже исполнительным, усердным, прямолинейным. Иногда его одолевала сентиментальность (крайне редко). Он часто забывался, будто страдал раздвоением личности: одна его половина вкалывала на черной работе и пыталась получить хоть какое-то образование, вторая половина – дни напролет бездельничала и беспредельничала с размахом. Была и

третья сторона – Витек пробуждал ее крайне не часто, только в те моменты, когда был в ярости – в нем просыпались его прежние уличные нравы. Все это он подтверждал незамедлительными действиями. Тогда-то он вел себя непредсказуемо и опасно: был настоящим бузотером и убийцей, который ни перед чем не остановится.

Обладатель широких губ, узких бровей, носа средних размеров и коричнево-зеленоватых глаз, немного утопленных в глазницы, был еще тем фруктом. Его характер был стойким и закаленным. Одновременно с этим Виктор Ретинский держал себя непринужденно и беззаботно, часто прикидываясь дурачком. Ретинский отлично понимал смысл фразы «хочешь жить – умей вертеться». По жизни он следовал этому девизу, причем в самых неподходящих для этого ситуациях. Мерами, правилами, всяческими ограничениями и прочими устоями, установками, моралью он, как вы поняли, не обладал.

Витек долго шел по этому тернистому пути к намеченным целям, выкладываясь по полной. Каждая ситуация его чему-то учила, направляла, исправляла ошибки, подсказывала – он всеми способами пытался и стремился сделать свою жизнь лучше. Вскоре после знакомства с Вершининым и завязавшейся с ним дружбы Витек разделял мировоззрение богатого и избалованного мальчишки – весь кайф земной жизни в богатстве, веселье и наслаждении. После всего произошедшего в темные времена его биографии Ретинский хотел хоть чем-то быть похожим на своего кореша – у него это стало получаться и весьма успешно с некоторым своим своеобразием. Это самое своеобразие заключалось в том, что в некоторых ситуациях он держал себя противоположно мнению и тактике хитрого, предусмотрительного и расчетливого Вершинина, но в общих чертах и, судя по результатам, их совместные мысли и поступки с каждым днем развития их дружбы сводились к общему знаменателю.

Поначалу Виктор Ретинский понимал пагубность всех сумасшедших затей Вершинина. Будучи предусмотрительным и опытным, Витек все-таки поддавался соблазну погрузиться в жизнь, в которой уже давно существовал Алексей Вершинин. Сознательное сдерживание самого себя пробуждалось в Ретинском и говорило, что это все плохо кончится – он глушил в себе это чувство. Разгульная молодая житуха, к которой он стремился, стала с чудовищной силой затягивать его в свои притягательные и в тоже время опасные лапы. Вернуть его на землю, пробудить сознание мог только какой-то яркий случай, событие, происшествие, которое могло бы в одну секунду кардинально изменить его жизнь.

Грустно это признавать, но здесь имел место тот же самый случай, что и с Вершининым: время на осознание быстро уходило – Витя увлекся всем этим вместе с Лешей, забывая о своих первоначальных целях (на них он практически поставил крест). Он хотел такой жизни, заразив ей своего знакомого Вершинина, который потом сказал ему «спасибо» за то, что открыл ему глаза. Затем соблазн одолел и его самого – все это быстро сближало его с Лешей и новыми пороками, желаниями и страстями внезапно нагрянувшей новой жизни.

У Ретинского прежде было оправдание – он каждый день повторял несколько предложений: «Я, моя семья – мы вместе много пережили, многое испытали, чтобы продолжать находиться в забвении и бедности». Однако жизнь Вити отныне начала развиваться по одному сценарию с мажором. Изначально Витек был впереди, но в один миг его обскакал сам Вершинин. Как же тут устоять: правящие миром и людьми деньги и власть сделают все, остается только не париться, жить для себя и наслаждаться. Так, самая беззаботная и привлекательная жизнь оказалась самой опасной и коварной.

Витя при этом оставался неутомимым и жестоким, а в безудержном веселье – безбашенным и неконтролируемым. Все хорошее в нем постепенно уходило в небытие, сменяясь цинизмом и расчетливостью. Он все еще терял контроль над собой, если его пытались предать, унижить, задеть за живое, оскорбить. Какой-то неведомый голос сообщал ему то же самое, что и Вершинину: «Купились вы на эту ловушку, плохиши. Это затягивает... страшно затягивает. Все забавляетесь, легкомысленно считая, что это на благо. Вы удовлетворяете только свое тело,

а не душу. А она у вас грязная. Вы всего лишь наживка для того жестокого, что вас вскоре поглотит и погубит. За все вы скоро расплатитесь сполна».

Как только Ретинский вспомнил, что нужно было хоть краем глаза приглядывать за Лешей, он с удовольствием пользовался этим шансом, но с каждым разом никто его не принимал всерьез. В этот раз, сидя в клубе, он наблюдал за пьяным счастьем Вершинина и смог с опаской произнести следующее:

– Будет прелестно, если кто-нибудь отодвинет от Алексея бокал, – запинаясь, выразил обеспокоенность Ретинский.

К Вите тоже лезли девушки, но он с гордым видом, раздвинув ноги в стороны, не позволял им переходить границы дозволенного.

– Захлопнись и не суйся! – завопил мажор и залпом закинул в себя еще рюмку горячительного, забросил себе в рот кусочек лимона, прожевал его так, что горький лимонный сок прыснул во все стороны из его рта.

Тем временем бармен Миша, остерегаясь встретиться с подвыпившим Вершининым лицом к лицу, решил подсыпать ему небольшую порцию дури. Должного и колоссального эффекта и привыкания по расчету Миши это не должно было принести – всего лишь небольшое помутнение рассудка и прилив сил. Если же вся эта история с Лешей и вернувшейся к нему зависимости повторится, то Мише несдобровать. Тем не менее, он рискнул и, сутулясь, чуть ли не на согнутых ножках, лично принес им поднос с «веселящими» напитками и мигом удалился, заняв позицию за стойкой и принявшись наблюдать, попутно обслуживая клиентов, прибегающих с танцпола за добавкой.

Вершинин медленно начал переходить в буйно-неадекватное состояние. Витя продолжал улыбаться, рассматривая подсевшую к нему девушку. Что же касалось Вершинина, то, когда он хотел развлечься, он поворачивался к одной девушке и начинал заигрывать с ней, частенько поглядывая в другую сторону, где пыхтела их вторая спутница, пытаясь хоть немного разговорить, развлечь Витю и мотивировать его на взаимность. Виктор предпочитал не тратить попусту своих сил и энергии, оставляя все на ночь – Вершинин же черпал энергию непонятно откуда. Когда Лешке надоедало с первой – ему становилось скучно от ее лица или однотипных скучных комплиментов в его адрес – он переключался на вторую особу. В этот момент брошенная и скучающая девушка ревностно отпивала первый попавшийся под руку коктейль, яростно посматривая, как другая хищница активно пользуется вниманием двух солидных, а главное небедных парней. И тут между двумя, иногда даже тремя представительницами женского пола происходило что-то вроде соревнования, борьбы за разнежившегося мажора и его дружка, за их ласку, снисхождение и внимание. Спустя некоторое время девушки понимали, что по отдельности никакого успеха не добьются и принимались убаживать Леху и Витьку все вместе. Позже Вершинин выбирал какую-то одну, бывало, что и двух, и вел их в уединенное местечко, где и делал с ним все запланированные и нафантазированные до этого в пьяном бреду грязные делишки, теряя потом к ним всяческий интерес. Как же он балдел от этого.

Вершинин протянул руки к бутылке холодного шампанского. Как только из его кулака с хлопком вылетела пробка, он прижал пальцем горлышко бутылки и с радостными криками облил всех вокруг пеной от игристого напитка. Потом, когда пена в шампанском улеглась, Алексей прямо из горла бутылки в такт ремикса на какую-то весьма популярную и подвижную песню сделал пару глотков. Ощувив пленяющий вкус виноградного напитка, он с недоумением посмотрел на затемненную бутылку и сию же секунду вылил все ее содержимое на себя до самой капли. С мокрыми волосами, светившимися от огней клуба и прилипшими к вискам и затылку, во влажной одежде, приставшей к телу, и пустой бутылкой в руках Леха, широко шагая по столу со всевозможной закуской, бокалами, рюмками, бутылками и переполненными пепельницами, по спинкам и сидениям мягких диванов, смело направился к подиуму, где на

шесте уже давно вертелась гибкая симпатичная танцовщица, которая собрала вокруг себя кучу зевак мужского пола. Они стояли неподвижно и глазели на нее.

И тут с детской улыбкой во все 32 зуба и вполне взрослыми намерениями на подиум к танцовщице сквозь толпу влетает Алексей Вершинин с бутылкой в руках. Девушка нисколько не сконфузилась.

– Зажжем?! – прорычал Леша.

Девушка гоу-гоу ответила ему так нежно и спокойно, как могла ответить только сгорающая от нетерпения любовница:

– Ну, давай, парниша!

Алексей еще хлестче обрадовался взаимности. Парень и девушка принялись вместе гибко и энергично исполнять неведомый никому ранее танец на этой тесной возвышенности на зависть всем стоящим внизу мужикам и на удивление и восхищение всех остальных. Официантки вместе с барменом и security засмотрелись на это действие и не смели вмешиваться. В этот момент бармен за стойкой издал настолько дебильный и протяжный смех, что лицо его скривилось и сузилось, но из-за громкой музыки и криков этого никто не услышал.

– Отлично двигаешься, – хвалила паренька танцовщица, посмотрев в его светящиеся от счастья глаза.

– Ты тоже! – произнес Алекс.

Тут ему в голову ударила очередная порция выпитого, подействовала и небольшая доза дурмана. Леша смотрел на девушку, и она будто опьяняла его – все вокруг смешалось в одну цветную и шумную суету, похожую на разноцветный туман, состоящий из народа, музыки, огня, сигаретного дыма и нескончаемого удовольствия от приятного и неизвестного чувства в его мозгах. Вершинин чувствовал себя так, словно без устали катался на карусели весь день напролет.

Алексей ласково добавил:

– Поверь мне, – говорил он, – так я двигаюсь не только на танцполе...

– Заинтриговал! Хочу поскорее проверить, – произнесла она.

Вершинин приблизился к партнерше вплотную, взяв девушку за бедра. Она почувствовала запах шампанского, приправленный съеденным ранее лимоном. В ответ она легонечко взяла его правую ладонь и медленно затащила себе в рот его указательный палец:

– Вкусно, – с вожделием молвила она.

Вершинин прошептал ей на ухо:

– Сколько тебе осталось?

– Один выход, малыш. Всего один выход. Надеюсь, ты потерпишь?

– А как же, – уже громче сказал Алексей. – Хоть всю вечность и больше, – блаженно произнес он.

– Тогда готовься... А пока что иди и встряхнись!

Для него все это было так любо, что он на секунду поверил, что это творилось в очень приятном сне. Заиграл новый трек. Все на танцполе взбились в одну толпу и принялись танцевать, вознеся руки к потолку. Девчонка легонечко оттолкнула Лешу в сторону со словами: «Не мешай». И он полетел прямо в толпу танцующих, тут же слившись с ней. Вершинин ощутил очередной прилив сил, словно у него выросли крылья.

Под клубняк его колбасило по-особенному. «Вот штырит парня», – думалось бармену и большинству гостей клуба, которые стали невольными свидетелями выкрутасов Вершинина. И вся эта энергия появилась даже не от маленькой дозы запрещенных психотропных веществ (она играла в этом порыве небольшую роль), а от приближения бурного секса с сногшибательной особой. Он танцевал, словно профессионал: со всеми финтами типа стояния на голове и на руках, кувырков, прыжков, ранее упомянутых шпагатов, сальто и прочего. Сначала на него все невольно косили взгляды, затем всем думалось, что паренек либо перепил, либо переку-

рил, либо перебрал с дозой, но позже танцующим стало это нравиться: некоторые стали подражать Вершинину, который с каждым своим трюком продолжал удивлять и тем самым взрывал, вдохновлял толпу; позже они хлопали ему и одобрительно кричали, еще через несколько минут толпа расступилась, чтобы дать сверхтанцору больше места. В конце концов, люди на танцполе настолько восхитились Лешей, что засвистели, завопили, захопали в ладоши и взяли Вершинина на руки. И он на протяжении нескольких минут плавал по залу на руках.

Диджей, восхитившись великолепным исполнением движений, поинтересовался у Лешы в небольшом перерыве, в каком танцевальном кружке он занимался? Когда Лешка в изнеможении от танцев ответил, что нигде не занимался, диджей распорядился налить парню. Перед этим свое слово диджею сказал и Витек, когда хотел тактично оградить Лешу от продолжения алкогольного загула – для этого он неловко поднялся со своего места и крикнул в сторону бара:

– Он уж выпил! Ты закусить ему дай!

Вскоре герой праздника устало свалился на диван между двумя заскучавшими девушками, как мешок с картошкой. Девушки обрадовались его возвращению и принялись хвалить его за танцы, а он только отмахивался от них.

В такой тонкий момент между сном и реальностью, усталостью и захлестывающим Лешу желанием продолжать где-то громко трезвонил его телефон. Вершинин долго шарился у себя в карманах, пока не обнаружил, что его «Айфон» почему-то красовался в тоненькой ручке девушки, сидящей рядом.

– Вот он, – сказала она с ехидной улыбкой на лице.

И когда она успела обшарить его карманы?

– Ой, – обрадовался Алексей, – спасибо, Катюшечка моя, спасибо тебе, – бегло молвил он и потянулся за телефоном.

– Я Вика вообще-то, – огорченно возразила она и оттянула руку с телефоном прочь от него.

Злить Лешу тогда было плохой идеей.

– Да срать! – рявкнул он и вырвал из ее рук яблочный телефон.

Звонил Дима Тихомиров – еще один лучший друг Вершинина. Тихомиров был настолько не похож на Витьку и на самого Алексея, что временами это могло вызывать у остальных некоторые вопросы. Тихомиров был не только не из того же социального слоя, что и Вершинин, но и вовсе не разделял подавляющее большинство убеждений и действий как Витька, так и Лешы. Этот факт и вызывал недоумение: как же такие люди могли быть настоящими и преданными друзьями?

– Ты что, опять в клубе? – огорченно спросил Лешу Тихомиров.

– Да-а-а! – нагло заявил Вершинин. – А что? Сегодня тут просто охуенно. Я имею на это полное право! – развязно заявил в трубку Алексей.

Этому Дима очень расстроился – он сам не переносил всего этого и желал, чтобы и Леша Вершинин завязал с этим глупым, никчемным и вредным образом жизни.

– А-а, тогда извини, что побеспокоил тебя, – виноватым и жалобным тоном промолвил Дима и хотел было отключиться, как Вершинин понял, что он своим тоном задел ранимого Тихомирова, поэтому поспешил выправить ситуацию.

– Так-так-так, Димка, Димка, – быстро проговорил Алексей, стараясь вернуть на связь друга. Вершинин как мог сосредоточился и насторожился, – подожди! Ты, должно быть, чего-то хотел – так говори, не стесняйся. Ты ведь мой лучший друг – я тебя слушаю.

В то время Витек не смотрел на Вершинина, однако краем уха слушал его разговор по телефону.

Тихомирову почему-то было неловко обращаться к Леше, тем более когда он набрал ему в столь неподходящий момент, оторвав его от любимого дела. Но сейчас Дима улыбнулся на другом конце провода и весело заговорил с Лешей:

– Прости меня еще раз, что звоню так поздно и в такой неподходящий...

Тихомиров не успел договорить, как услышал голос Вершинина:

– Ничего страшного! Забей!

– Хорошо, – спокойно говорил Тихомиров. – У меня есть небольшая просьба к тебе. Я мог бы, конечно, к тебе не обращаться, если б знал, что ты сейчас занят и...

Вершинин снова не дал ему договорить:

– Какая у тебя просьба, Дмитрий? Что за дело? – сразу спросил его Лешка.

На заднем фоне Витек как нарочно стал ржать и кидаться компрометирующими фразочками. Вершинин злобно кивнул в его сторону и крикнул:

– А не пойти ли тебе в жопу?! – не выдержал Вершинин и тут же сказал Диме, что это он адресовал дурачку Ретинскому.

– Привет ему, – произнес Тихомиров и продолжил объяснять сложившуюся ситуацию, а Леша, прикрывая трубку, передал привет Вите от Тихомирова, а тот только закатил глазки, не расслышав половину из-за шума. – Так вот... Мы с мамой допоздна в гостях засиделись, не рассчитывали, что будем так долго, поэтому и взяли денег по минимуму. Их не то что на такси, даже на пережеванную жвачку не хватит. Транспорта ночью нет. На другой конец города идти – как-то страшновато. А собрались тут люди почти незнакомые... и пьяненькие все к тому же. Такие и не подвезут, и денег не займут.

Вершинину на секундочку стало стыдно, что он пьянствует и веселится – он знал, что Тихомиров был против этого. Диму он слушал внимательно – тот продолжал:

– Не мог бы ты (Вершинину показалось, что Димас попросит денег)... приехать и подбросить нас до дома, – еле как выдал просьбу Тихомиров. – Я знаю, что поздно, что неудобно, но ты не волнуйся – как приедем, я тебе деньги на бензин отдам обязательно...

– Ты что? – эти слова рассмешили Лешку. – Шутишь, что ли? Ебнулся с крыльца, Димка?! Какие деньги, какое «поздно»? Об этом даже и думать не смей, понял меня?!

– Ладно-ладно, я понял, но все равно как-то странно, – произнес Тихомиров, но Леша снова заткнул его. – Ладно, тогда адрес SMS-кой пришлю. Спасибо тебе. Извини еще раз, что отрываю – у вас там хорошо, наверное...

– Да брось ты извиняться, Димасик! Доставлю вас по высшему классу! – заверил его Вершинин.

– Вот и отлично, – без оглядки на нетрезвого друга обрадовался Тихомиров и сказал своей маме, что друг заедет за ними.

– Все сделаем, сэр! – фамильярно и громко сказал Вершинин и бросил трубку.

Дима ни на секунду не сомневался, что его единственный друг Алексей Вершинин приедет за ними, но волнение его не покидало – такая чувствительная, проницательная натура была у человека.

– Куда ты лезешь, сука, блять?! – вспылил он на девчонку, которая потянулась за бутылкой и сбила из его рук телефон. Алексей сбросил ее со своих колен. – Да за этот телефон я заплатил столько, сколько ты в постели за 250 лет не отработаешь! – накричал он на спутницу, которая, не понимая, что сделалось с Вершининым, удивленно вытаращила на него глаза. Алексей был довольно пьян и одновременно полон решимости сесть за руль и отправиться за другом.

Вершинин, пошатываясь, поднялся с места и с пятого раза попал в карман, куда еле как засунул телефон. Ноги держали его плохо, в глазах мельтешило, словно он смотрел на помехи в телевизоре, в ушах пульсировало от басов, доносящихся из колонок на танцполе. Он приподнял указательный палец вверх:

– Мне нужно...

И тут с ним сделалось нечто непредвиденное. Он переменялся в лице – мозг готовился перейти в спящий режим. Разгоряченный румянец на лице сменился бледнотой, руки и ноги затряслись, голову пронзил сильнейший болевой удар.

Вершинин закатил глаза и навзничь рухнул на пол. Витек мигом кинулся к нему, приговаривая, что пора на воздух. Он схватил Лешу под руки и потащил на улицу, где было темно и прохладно, ведь на дворе давно царствовала темная летняя ночь. При этом никого – ни девушек, ни персонал – совершенно не задело это внезапное происшествие. Все продолжалось дальше – клубный механизм жил и работал, не заботясь ни о чьей судьбе: музыка играла, народ пил и танцевал, в ложах шевелились, у подиумов и длинной барной стойки копошились люди, бармены ловко наливали напитки и орудовали бутылками, стаканами и рюмками, официанты бегали взад и вперед, а танцовщицы продолжали выходить и собирать вокруг себя зевак.

Стройный Витек вытаскивал обездвиженное тело Алексея Вершинина на улицу мимо кучи народа. Некоторые понимающе озирались, некоторые кивали головами и посмеивались над тем, до чего доводят танцы и чрезмерное употребление алкоголя, при этом заказывая еще шоты. Один лишь охранник на входе подтолкнул ногой туфлю Алексея, зацепившуюся за порог, со словами:

– Вот те раз! Только на танцполе ногами дрыгал, а сейчас ноженьки-то протянул.

Молоденькие качастые парни в облегающих черных футболках с надписью «security» заржали над шуткой, но внезапно возникший непонятно откуда Гончаров рявкнул:

– Хорош ржать! В оба смотреть! – у управляющего было нехорошее предчувствие.

Глава 3 «Драка»

Кроме клубов, Алексея Сергеевича Вершинина как молоденького паренька и сына богатых родителей знали и во всех городских обезьянниках, в которых тот сидел ровно минуту, пугая своими влиятельными предками служителей закона и сокамерников. Менгты не успевали врезать ему по башке и закрыть камеру, как на пост поступал звонок от отца или матери господина Вершинина. До них информация о нахождении сына доходила молниеносно, будто в него был вживлен чип. Или в подобных заведениях у его родителей были свои люди, или его предки тупо доплачивали изворотливому Вите Ретинскому, который был чуть-чуть сдержаннее Алексея и уже с 15 лет не попадал в полицию, а сообщал о случившемся родителям. Бывало, что отец приезжал лично – спустя несколько секунд его сын с величавым видом выходил на свободу, озираясь, показывая язык и корчив рожи недоумевающим сотрудникам правопорядка. На этот раз так далеко не зашло.

Вытащив Вершинина на воздух, Витек отстранился от него и стал думать, что же предпринять. Алексей валялся на холодной плитке неподвижно, раскинув руки и ноги в разные стороны. Это было временное помутнение. Почувствовав холод, Алексей постепенно стал приходить в себя. Кажется, его жизнь была вне опасности.

Отдышавшись, Витек обругал Алексея за случившееся – тот, в свою очередь, молчал с опечаленным и растерянным выражением лица. Через некоторое время он поднялся и прислонился к стене. Обычно, прежде чем упасть в обморок, Алексея обильно рвало (Ретинский сейчас готовился именно к этому), а потом бросало то в жар, то в холод, затем он бился в странном припадке – ожидаемого на этот раз не случилось.

В июне, несмотря на жаркие дни, ночи были достаточно прохладными. Стояла темень хоть глаз выколи – если бы не освещение, окрестности нельзя бы было разглядеть. Эта приятная прохлада охледила двух друзей – из-за неожиданности и мандража они в момент протрезвели.

На крыльце клуба никого не было. Стояла лишь подозрительная тишина, прерываемая временами вырывающейся из дверей клуба музыкой. Витя вопросительно поглядывал на Вершинина, уперев кулаки в колени и чуть наклонившись вперед – так быстро на воздух он его никогда прежде не вытаскивал. Какой-никакой, а рекорд!

Вершинин старался вспомнить то, что он должен был сделать, ведь для этого он и поднял свою пятую точку с дивана. Припомнить не получалось – эту внезапно пришедшую информацию волшебным образом стерло из его головы. «Следовательно, – подумал он, – это было не так важно, если я тщательно не вбил эту информацию себе в башку». Ноги у Вершинина дрожали, в ушах звенело, в голове царил беспорядок. Алекс зажмурил глаза, приставив пальцы к вискам, и попытался сосредоточиться, разобрать все свои мысли по полочкам.

– Может домой? – после продолжительного молчания предложил Ретинский.

Душа мажора требовала продолжения банкета, и вместо того, чтобы вспомнить про Диму Тихомирова, Вершинин на полном серьезе заявил, что не будет прерывать веселье из-за какой-то головной боли. К тому же он ни разу в жизни не покидал клуб так рано.

– Уверен? – переспросил всполошившийся Виктор, а Леша еще раз попытался вспомнить, что забыл, и, в конце концов, к великому сожалению бросил это дело.

– Как пить дать! – ответил он.

В этот момент где-то за полупустой стоянкой, газоном с мощными деревьями и старым забором, огораживающим территорию клуба и идущую за ним парковую зону, на тротуаре пустой улицы послышались крики, визги, мольбы о помощи, еле слышимые маты, смешавшиеся со стуком каблуков, упирающихся в неровный асфальт. Мужские голоса и женские крики внезапно повторились, а затем все стихло. Леша прищурился, вглядываясь во тьму, и увидел,

как двое молодчиков схватили и тащат по улице двух девушек, силой обхватив их. Девушки пытаются сопротивляться, но из рук подонков очень трудно вырваться: нападавшие мигом скрутили им руки и уводили их в сторону. При малейшей попытке девушек как-то повлиять на сложившуюся ситуацию молодчики тут же причиняли им нестерпимую боль. У девушек всех возрастов, всегда было одно верное средство – закричать и позвать кого-нибудь на помощь, но ночью и так не проходная улица была абсолютно безлюдна и пустынна, но попытка не пытка. Одна из девушек закричала, но ее рот мигом был заткнут грязной ладонью одного из злоумышленников. Однако этого хватило, чтобы девушек, попавших в беду, услышали наши пацаны.

– Эй! А ну-ка стой! – крикнул Вершинин и, еще не оправившись от обморока, уже на всех парах мчался к ним. Ретинский не отставал.

Шпана, тащившая девушек, удивленно застыла на месте. Отморозков было двое: первого очень раззадорило появление откликнувшихся на происшествие отважных спасителей, второй же держал девушку чуть в стороне от первого и всегда подчинялся командам того, кто был впереди. Двое короткостриженных пацанов (первый был светло-русый, а второй обладал такими же волосами, как и Вершинин, только намного короче) были невысокого роста. Худые пацаны, которым было от силы лет по 16-18, были одеты в ширпотребистые кроссовки «Nike», серые треники «Adidas» и распахнутые черные куртки, сшитые где-то в китайском подполье. Оба обладали жилистыми руками, которые намертво ухватили хрупкие тела молоденьких девушек лет 18-20, хотя по макияжу там были все 25-30 лет!

Оббежав высокий забор, Вершинин и Ретинский перегородили шпане путь к отходу. Леша, встав в фирменную бойцовскую стойку неподалеку от бандюков, принялся свирепо смотреть в их сторону. Невольно Витя оказался позади него, на подстраховке.

Впереди всех абсолютно спокойно и непоколебимо стоял пацан с лицом без пяти минут маньяка, его голову закрывал капюшон. Из-под его тени выглядывал острый подбородок неестественно бледного оттенка. Одной рукой парень крепко удерживал девушку за пояс, а второй закрывал ей рот, но дамочка, которая была намного крупнее и длиннее, чем сам нападавший, не переставала брыкаться. Из-за этого он и передвинул руку с ее пояса и сдавил ей шею локтем. Она схватилась освободившимися руками за его локоть, но он даже не обратил на это внимания. Второй нападавший был намного выше первого – он так же двумя руками обхватил низенькую девчужку. Та уже потеряла всякие силы сопротивляться. В глазах обеих девушек царил испуг, но тут у них появилась надежда, шанс на спасение – появление на дороге у гопников Леша и Вити воодушевило их продолжать отпираться.

Паренек с глазами серо-лунного цвета хрипло произнес:

– Иди, куда шел! – сказал он, грозно уставившись на смелого Вершинина.

– Отпусти их! – хладнокровно произнес накупившийся Леша, сжав кулаки.

Стоящий позади хулиган решил все же оттащить девчонку в темный квартал через дорогу, но сообщник жестом остановил его. Он был словно под кайфом, из которого никогда не выходил: лицо и губы были бледны, как у самого настоящего трупа. Его руки обвивали длинноногую девушку на высоченных каблуках и с красными ногтями на ногах и руках. Особа была немного смуглой, волосы у нее были черные, завязанные сзади. Ее выделяли пухлые губы, намазанные розовой помадой, черные глаза с длинными ресницами, небольшие бугорки на щеках перед глазами, миниатюрный носик, гладкое лицо под слоем авто-загара, которое заканчивалось остреньким подбородком. Вторая девчонка была низенькой и худенькой, как спичка – она обладала маленьким лицом и объемной прической (ее пышные рыжие волосы были завиты в симпатичные кудряшки). Она побелела от страха – ее голубые глаза были узки, носик и рот были маленькими, под тональным кремом кое-где даже виднелись маленькие прыщики. Она была одета в рубашку с красно-черными клеточками (такой же расцветки была и ее коротенькая юбка), поверх которой красовалась джинсовая курточка до пояса, а на голых худых ногах – беленькие балетки. Первая девушка выглядела намного взрослее и привлекательнее второй

(здесь уже дело вкуса) – на ней были те самые черные блестящие туфли, которыми она так громко стучала по тротуару, и черное платьице с завязанным на поясе ремешком. Наверняка для привлечения мужского пола (на шпане эта деталь наверняка и сработала) на свои ноги она надела кружевные чулочки, а декольте выделило ее арбузную грудь. С первого взгляда было понятно, что она была не только взрослее, но и опытнее рыженькой подружки. Казалось, она уже давно имела хитрый план, как выпутаться из ситуации и достойно отблагодарить кинувшихся им на помощь мальчиков.

С еще большей долей неадекватности и свирепости бандюга заявил:

– Добыча моя! Никому ее не отдам! А ты вали обратно в свой клубешник и сиди там тихо!

– Я сказал, – еще более злобно, повелительно и громче рявкнул Алексей, выходя из себя, – отпусти их! Тебе непонятно?! Отпусти, иначе хуже будет!

– Хорошо, уговорил, – парень ухмыльнулся и закончил начатую фразу. – Но я сначала с удовольствием дам тебе в рот вместо них и, может, отпущу прелестных дам, если ты постарешься, – он схватил девушку за волосы, отвернул в сторону ее голову, уткнулся носом в ее шею и, ощутив сладкий запах духов, медленно провел языком по коже своей жертвы. Девушке стало настолько омерзительно, что она взвыла от этих будоражащих ощущений.

От таких слов Вершинин пришел в бешенство: дышал глубоко, его плечи приподнимались, жилы на руках вспухли, сердце забило в бешеном ритме. Он готовился кинуться и без пощады разорвать мелкого наглеца на миллион кусочков. Витя тоже почувствовал назревающую бойню, понял чувства, бушующие в Вершинине, и посоветовал шпане оставить девушек в покое и уйти по-хорошему. Второй преступник умудрился разозлить и Витька:

– Никто бедных, несчастных и беспомощных девушек и не собирается беспокоить. Секс больших неудобств им не доставит, – дерзил он, обнимая рыжую девчонку, как наручники обнимают руки заключенного.

Двое на тротуаре не могли больше на это смотреть...

Первым не выдержал Леша – очередной неконтролируемый всплеск ярости и бешенства поглотил его с головой. Он бросился с кулаками на стоявшего спереди молодчика. Тот не сдвинулся с места, откинул девушку в сторону и мощно зарядил Леше с правой по виску. Вершинин, от удара развернувшись на месте, упал и поцеловал влажный асфальт. Тут он и услышал злобный и наглый хохот шпаны и еле слышимый плач упавшей на асфальт девушки.

– Меньше выебываться надо! – сказал малолетний бандюга, глядя на лежащего Вершинина. – Я пощадил бы вас, но слишком много времени ты забрал у меня, клубная свинья. Это уж точно научит тебя слушаться и не выпендриваться, – высказался он, после чего достал из кармана куртки складной нож и, размахнувшись, хотел было у всех на глазах зарезать Вершинина.

Всего этого Алексей выдержать не мог, но тут ему на выручку пришел его верный друг Витя. Он мощным и прицельным ударом ноги с разбегу сбил искомое холодное оружие из руки нападавшего, повергнув в шок второго паренька, который вместе с девкой в руках бросился уносить ноги вместо помощи сообщнику. Ножик тем временем отлетел и затерялся где-то в кустах, а лицо нокаутированного из нагловатого и уродливого сделалось испуганным. Казалось, еще немного, и он напрудит в штаны.

– Второго! – крикнул лежащий Леша и, привстав, мигом ударил первому по ногам, отчего тот свалился на землю.

Витек наступил беглеца в два счета и тем же сокрушительным ударом по лицу вырубил его. Тот бессознательно повалился на спину и машинально потянул за собой рыженькую девчонку – Витек, схватив ее за руки, придержал от падения.

Парочка развернулась и увидела, как позади них с чудовищно большой скоростью Леша наносил удары по лежащему парню, присев ему на грудь.

– Лежачего не бьют, – успел произнести малолетний наглец и потенциальный насильник. Реакции не последовало.

Потом он успевал лишь обрывками фраз молить Вершинина о пощаде – тот был непоколебим и не собирался прекращать расправу. Бешенству Алексея не было конца – остановиться он не мог, задумывая до смерти забить своего обидчика. В этот момент он ничего не видел и не слышал. Он бил рефлекторно и от каждого удара получал некую силу, которая мотивировала его продолжать бить еще сильнее и чаще. Лехе это нравилось: каждый удар по изувеченной и окровавленной морде хулигана приносил его возмущенному сознанию неопишуемый восторг. Хулиган уже не мог прикрываться руками, не мог сопротивляться, а под конец избиения лежал практически без сознания – он совершенно обессилил, послужив для Алексея отличной боксерской грушей. Вершинин стремился причинить малолетнему преступнику нестерпимую и адскую боль за то, что он не только осмелился напасть на слабеньких девушек, но и за то, что посмел дерзить самому Алексею Вершинину.

Самоуверенностью и надеждой на лучший исход событий для себя пацан с серыми глазами обладал в достаточной степени. Одними из его последних слов в эту ночь была фраза, которая ничего не изменила, а только раззадорила Алексея:

– Ты труп, чувак, – захлебываясь кровью, из последних сил вымолвил малолетка.

– От трупа слышу, – с улыбкой сказал ему Вершинин, привстал и нанес бедолаге сильнейший удар ногой в пах. Тот взвыл от боли и скрючился, оставшись валяться на земле в такой позе, будто замерз. Дальше Алексей сказал. – Не будешь больше девушек насиловать, потому что нечем отныне! Пусть тебя врачи с этим насилюют всю твою никчемную жизнь, сука! – тут к Вершинину подбежал Витек и оттащил его от забитого паренька – еще немножко и Леша принялся бы хладнокровно душить свою жертву.

Когда Алексей немного успокоился и пришел в себя, он отряхнулся, обтер лицо руками и помог подняться упавшей на асфальт брюнетке. Рыженькая деваха стояла в тот момент с Ретинским. Девушки тут же пожаловались пацанам, что у них забрали деньги и безделушки. Найти все это в карманах у шпаны трудностей не составило.

Теперь, когда все окончательно успокоилось, отважные парни получили лестные благодарности от девушек, которые все еще дрожали от испуга. А когда Леша отходил, чтобы взглянуть лежащих на земле гопников, девушки шепотом признались Виктору, что очень испугались, когда Вершинин стал без остановки дубасить сероглазого. Они подумали, что Леша убьет его. Но Витя заверил их, что Алексей контролировал себя и достойно наказал нападавших за совершенное преступление.

– А не пойти ли нам выпить и успокоиться? – предложил Вершинин. После произнесенного Витя понял, что его братан пришел в норму.

– А у тебя и предложение есть?! – игриво спросила брюнетка.

– Да, – уверенно заявил Леха, – здесь недалеко, – он показал на красовавшийся за деревьями клуб.

Вернувшись обратно в клуб с новой компанией, парни не почувствовали никаких изменений в заведении. Странно, но центральную лужу никто так и не занял, будто ее охраняли специально к их возвращению. Никого из прошлой компании там тоже не оказалось – вместе с девушками исчезли и выпивка, и закусон, и два кальяна. Но пацаны не переживали из-за этого. Ведь можно было заказать еще, к тому же необходимо было с самого начала радовать, очаровывать и увлекать новых незнакомок. Сами девушки не возражали – они были очень удивлены таким предложением. Накатить после такого парням хотелось вдвойне, а спить счастливых девушек – втройне. Хотя на мгновение Вершинин даже загрустил немного оттого, что протрезвел и упустил прежний кураж, которым обладал, однако вскоре и он развеселился, когда увидел, что его муза-танцовщица, помахав ему, выходила на свой заключительный танец.

Будучи весьма чистоплотным, Алексей отлучился якобы заказать выпивки, а сам убежал в туалет. Там на протяжении всей ночи творилось черти что: в уборной чуть ли не весь клуб курил вонючие сигареты взятяг, нашлись экземпляры, которые сидели или лежали на холодном кафеле, кто-то громко выяснял отношения, в углу молодой паренек страстно целовал девчонку. Вершинин еще не видел женской уборной, которая превратилась в салон красоты.

Попутным ветром Вершинина потянуло в открытую кабинку, посередине которой стоял белый сверкающий унитаз. В этот день он не увидел тех, кто вовсю блевал в туалете – невольно он стал первым... После нескольких неприятных ощущений и горечи во рту он увидел перед собой неприятный микс из того, что пил и ел этим вечером. После этого своеобразного «очищения» ему стало гораздо лучше – он безмятежно вышел из кабинки, медленно прикрыв дверь, подошел к умывальнику и окатил лицо и волосы холодненькой водичкой из крана, убедился, что средства контрацепции при нем и вернулся в зал.

После нескольких рюмок и вдохов дурмана из свежеприготовленного кальяна девчонки решили вкратце рассказать, как на них напали, но Леша предложил не вспоминать этого, забыть все произошедшее, отдохнуть и повеселиться как следует. Однако в ту ночь новые знакомые Вити и Алексея то и дело возвращались к тому, что с ними приключилось. Вершинину это не нравилось, поэтому он принялся все больше и больше подливать им в бокалы.

– Я запомнила, – говорила жгучая брюнетка Ирина, – где у него нож был спрятан. Если бы они нас принялись насиловать, я бы под видом ласки достала бы нож и вспорола бы ему брюхо к чертям собачьим, – по поводу нее Вершинин не прогадал, посчитав ее более смелой, опытной и развязной. Она, осушив очередной бокал, продолжала вещать серьезным голосом. – А этого с серыми зрачками я вообще бы евнухом сделала! Он, по ходу, реальный псих.

После ее фразы про нож и евнуха Леша и Витек переглянулись, удивившись, какие интересные экземпляры им попались. Витек решил сказать:

– Порядочным девушкам одним ночью бродить не полагается.

– А кто тебе сказал, что мы порядочные?! – брякнула рыженькая Катерина пьяненьким голосочком, поймав удивленный взгляд своей подруги и раскинув руки, мол, что я такого сказала. Пацаны переглянулись вновь.

Ирина, поняв всю неловкость ситуации, поспешила добавить:

– А с кем нам следовало бродить? – подняла она волнующий ее вопрос, но так же, как и Катя, порядочно выпила, и все ее слова нечаянно переходили в очевидные намеки, которые парням очень импонировали. – Теперь мы никому, кроме вас, не доверяем, – улыбнулась она, посмотрев на своих спасителей.

Девушки пьянели с ошеломительной скоростью, а парни после такой подвижной ночи никак не могли порядочно захмелеть. Ситуацию пришлось оценивать трезво. В связи с чем Вершинин принял абсолютно такое же решение, как если бы был вдрызг пьян: «Вот так номер!» – заключил он, отозвав Витю ближе к подиуму, где танцевала его новая знакомая (кстати, танцовщицу зовут Татьяна – Вершинин так никогда и не узнает этого).

Леша повеселел. Он суетился, словно пацаненок, который знает, что через несколько минут лишится девственности.

– Значит так, Витюша! Ситуация весьма благоприятная. Попутный дует ветерок!

– А давай по-русски, – попросил его Ретинский – намеков он сроду не понимал.

– Хорошо, – выдохнув, сказал Алексей. – Сейчас спаиваем этих двух, везем домой и чпокаем! Как тебе? Мне очень нравится!

В этот момент кто-то нежно защекотал Лешу по спине. Таня наклонилась к нему с подиума и ласково сказала на ушко:

– Я скоро.

Сию же секунду Витя улыбнулся и поправил друга:

– Наверное, уже трех!

– О да! – с блаженством и предвкушением произнес Вершинин, чуть приоткрыв рот и показав свою белоснежную улыбку, и медленно закивал головой, любясь то танцовщицей, то сидящими на диване девушками.

Алексей закрыл глаза и улыбнулся, чуть приподняв голову, когда почувствовал, как Татьяна подвинула его к своей груди, чтобы вновь ощутить запах его черных волос, которые до сих пор пахли шампанским.

Глава 4 «Прелестное создание»

Диалог в машине Вершинина разгорелся с новой силой, как только рассказ Виктора об их ночных похождениях подошел к концу.

– А что потом-то было? – спросил Ретинского Алексей. Он сидел за рулем с серьезным лицом, раскинув ноги в разные стороны и даже не подумав пристегнуться.

После этого вопроса Витя стал вспоминать – от возникающих перед его взором сценок сегодняшней ночи он посмеивался, а временами и морщился.

– Потом? – переспросил он, не желая рассказывать всех подробностей, некоторые из которых были Вите неприятны. – Потом девушки совсем перестали изображать невинность. Пили взахлеб... Потом подседа эта... другая... с шеста. Интересно, сколько все это могло стоить? – озадачился Витек и приподнял глаза вверх, пытаясь прикинуть потраченную Лешей сумму.

– Не отвлекайся, – сказал Вершинин. Он знал, сколько потратил, поэтому ему было слегка не по себе оттого, что за один вечер улетело столько денег. Вспоминать о денежном вопросе ему не хотелось, хотя он и говорил, что все прошло на высшем уровне – на это и наличность, которой у Вершинина и так до хрена, не жалко было потратить.

– Ладно, – согласился Витя и продолжил. – Плясунья, уставшая от танцев без раздеваний, бесплатно прямо у нас на столе настоящий стриптиз станцевала.

– Не может быть?! Ха-ха-ха!

– Да-а-а! Потом мы еле нашли нашу машину, поехали домой к твоим родакам... не знаю почему. А-а! Наверное, потому, что машину вел ты. А это вообще отдельная история – я не знаю, как мы до дома доехали без аварии.

С каждой секундой Леше становилось все интересней и интересней, а рассказчик стремительно терял интерес к вчерашним событиям. Он продолжал говорить, наслаждаясь потоком воздуха из открытого окна машины и рассматривая пролетающие мимо городские окрестности:

– Ты был с ней прямо на переднем сидении. Если бы не мы с девчонками, ты бы отжарил ее прямо за рулем, – заявил Витя.

– А что такого?! Что ты смотришь на меня так? Это на меня вполне похоже. Скажи, пожалуйста, кто это был со мной?!

– Теперь уже стриптизерша, – выдал Витя и Лешке сразу полегчало. Она понравилась Вершинину, поэтому гипотетический секс в машине его никак не удивил – если бы позволяли обстоятельства, то он ею занялся бы еще в клубе.

Вершинин махнул Ретинскому, чтобы тот продолжал, а сам мигом надавил на педаль газа и по встречной полосе объехал пробку, перескочив перекресток с характерным ревом двигателя «BMW».

– Вот это да, вот это круто! Вот это адреналин! – Леша восхитился своей машиной и посмотрел в сторону Вити, который закивал в ответ.

– Ты был с ней на переднем сидении. Она все время лезла к тебе. А я следил за вами, чтобы из-за нее мы все не отправились на тот свет к чертовой бабушке, хотя... я тоже был немного занят сзади, – загадочно улыбнулся Витя.

– Ух ты, вот это новости! – удивился Леха. – Ты что же это там, кого-то оприходовать успел?!

– Ага, если бы! Я отмахивался от этих путан как мог. Пиздец там творился... От них буквально некуда было деться. Они после бутылки все просили меня им в рот дать! Как ты представляешь все это?! – возмутился Витя и добавил. – Тем более в твоей машине!

– Да ладно тебе, – успокоил его Вершинин, хлопнув друга по колени. – Хотя с машиной ты решил правильно. И без этого было бы круто: я – с танцужкой, ты – с этими двумя. Расслабься,

все пучком! – представляя подобное зрелище, говорил Вершинин. – Ну-ну, не томи, говори, что дальше было.

Ретинский решил больше не углубляться в пикантные подробности этого дела:

– Короче, в конце концов, мы завалились к тебе и затащили их в постель, – отрезал Ретинский. – Всех троих, как ты и хотел!

– В одну постель?! – удивившись, переспросил Алексей.

– Ну естественно. Другого выхода почему-то не нашлось.

– Ебать! Это жестко! А кто с кем?! – стал расспрашивать Леша.

– О! Этого не скажу. Не помню, – отмахнулся Витя, найдя свойственную только ему отмазку. – Темно там было.

– Жаль, – расстроено выцедил Алексей. Несколько минут они решили помолчать и передохнуть таким образом от всего, что пережили минувшей ночью.

Немного погодя Вершинин, проанализировав в своей голове всю полученную информацию, восстановил последовательность случившихся событий и громко спросил:

– А вмятина и царапины-то откуда?!

– Не знаю. Думаю, от той шпаны.

– Ха! – Алексей удивился очевидному факту. – Думает он! Я вот тоже думаю! Либо от этих гадов... либо от моего пьяного вождения, – с сожалением заключил он.

Друг решил поддержать Лешу, открыв ему еще один факт:

– Я скажу тебе честно: один раз эта стриптизерша... как там ее зовут... так впиалась в твои губы, что... В общем, такого длительного и страстного поцелуя я не видел никогда в жизни, даже по телеку, – попытался утешить Вершинина Витек.

Тот неестественно улыбнулся другу и закивал, мол, спасибо за то, что стараешься всеми способами поднять мне настроение. Даже этот любопытный факт не расшевелил Алекса. Он уже всю держал около уха телефон, дожидаясь ответа своего знакомого автомеханика. Леха договорился с ним, что подъедет в автосервис вечером, когда там будет поменьше клиентов, и мастер в спокойной обстановке посмотрит на вмятину и решит, что можно с ней сделать. Вершинин совершенно забыл о том, что вечером приезжают родители, так что он кровь из носа должен быть дома. Когда дел было невпроворот, мир казался ему сложным и несправедливым, а время – быстротечным. А пока ему приходилось красоваться в городе на покарябанной машине, что очень раздражало Вершинина.

Витек, улыбнувшись, дополнил сказанное:

– А все-таки здорово мы их уделали, – припомнил драку Витя и заложил свои руки за голову.

– Это да, – разделил его чувства Вершинин, – но трудно размахивать кулаками, если ты нахуярился как последний алкаш. Хотя, – задумался Леша, – при этом ни о чем заумном и не думаешь, бьешь без всяких там задних мыслей...

– Классно ты его приложил, – похвалил Вершинина Ретинский.

Вершинин аналогично похвалил Витю и добавил:

– Ты же отлично знаешь, если что-то идет не по-моему, это может взбесить меня в два счета.

Такая возбудимость и внезапные приступы бешенства стали следствием все той же небывалой избалованности, которая с годами только набирала обороты. Вместе с ней крепчала и растущая нервозность и возбудимость Леша Вершинина, которая все сильнее влияла на его жизнь.

Тем временем они подъезжали к дому Витька. Он жил в двухкомнатной квартире в пятиэтажке, находящейся в старом городе. Эти райончики утопали в зелени – здесь всегда легче дышалось, нежели где-нибудь в промзоне или в новостройках. В новых районах строили много. Чего там только не было: таунхаусы, пятиэтажки, панельные девятиэтажки, 16-этажки. Город

быстро рос и развивался: каждый день по утрам люди направлялись из спальных районов на окраине в центр на работу, а вечером – снова домой с работы. В новых районах были красивые и современные дома, но нигде не было ни скверов, ни парков, один бетон кругом – никак там не могли насадить обычных деревьев, вот и мучились из-за простого.

Только «BMW» Вершинина подлетел к Витиному дому, из подъезда выбежала такая милая и приятная особа, что пацаны невольно обомлели от красоты и изящества этой девушки. Звали ее Юля Кудрявцева. И это прелестное создание. Очаровательная, умная, красивая, сногсшибательная особа была любимой девушкой Витька Ретинского.

Вся жизнь полна парадоксов и нестыковок – больше всего этих самых парадоксов в человеческих чувствах и отношениях. Первый парадокс: совершенно разные по внутреннему строю и социальному положению Вершинин и Ретинский ходят хорошими приятелями и преданными друзьями. Второй парадокс: лучший друг Вершинина Дмитрий Тихомиров открыто не переносил Лешиного образа жизни и воевал с ним на этой почве, пытаясь сдвинуть пацана с этого пагубного пути, оставаясь при этом надежным и дорогим ему человеком. И, наконец, третий парадокс за время нашего повествования, выраженный, как и два предыдущих, в виде вопроса: как отличница могла встречаться и слепо полюбить всем сердцем неотесанного, вспыльчивого и простоватого, как шкаф, двоечника?

Что ж, Юлия Кудрявцева была не так проста, как может показаться на самом деле. Она была в меру умна и сообразительна, расчетлива и скрупулезна, поэтому имела большие успехи в учебе. Наша Юлия была прилежной ученицей, радовавшей родителей, слыла любящей дочерью, кокетливой модницей, любительницей поболтать, а также мастерицей на все руки, ставящей перед собой иногда непостижимые цели, стараясь добиться их любыми возможными средствами.

Кудрявцева обладала всеми качествами и внешностью идеальной и любящей девушки, сохранившей первозданную невинность. В этом плане все завидовали Ретинскому, что именно ему досталась такая красота. А подружки Юле завидовали: во-первых, потому что она легко сочетала в себе все эти полезные и привлекающие качества, во-вторых, потому что ее выбрал желаемый всеми Витек и вдобавок искреннее ее полюбил. На любовь со стороны силача Ретинского, который, по мнению некоторых особо одаренных особ, любить был не способен, Юлия отвечала взаимностью.

Но вскоре, помимо нежных чувств и эмоций, Витя получил строго поставленную Юленькой цель – измениться во что бы то ни стало. Она решила с ног до головы переделать своего молодого человека в лучшую сторону, хотя Витек этого никому и никогда не позволял, не признавая никаких авторитетов. Идти к достижению поставленной цели Юля начала незаметно для самого Виктора. И постепенно это начало приносить плоды. Она хотела научить Ретинского прилежности, усердию, хорошим привычкам и манерам. Временами она жалела его, когда он с горечью припоминал свою прошлую нелегкую жизнь. За то, что она есть у него, Витя всегда искренне благодарил Кудрявцеву, положив голову ей на колени – в такие моменты и она поддавалась эмоциям. Вместе с ней Витя постепенно превращался в исполнительного, доброго и послушного паренька. Казалось, что он залез к ней под каблук.

Юлия могла найти выход из любой ситуации, как и подход к любому человеку. Такое умение частенько помогало мастеровито манипулировать Витей так, что тот и не заметит. Большинство этих манипуляций были только на благо последнему. Кудрявцева знала, как вести себя в различных ситуациях. Переменчивый и чувствительный девичий характер проявлялся в ней очень редко – слезы и сомнения подавлялись ее решительностью. А когда она брала себя в руки и была сосредоточена, словно генерал, планирующий наступление, беспокоить и сбивать ее было нельзя, ибо она могла накричать или даже рукой замахнуться.

Кудрявцева обладала той внешностью, которая была почти не свойственна отличницам. Природа одарила ее щедро. Она почти не пользовалась косметикой. Юля имела гладкую кожу

смугловатого оттенка. Фигурой она вышла изящно худенькой, была невысокого роста, обладала тоненькими ручками и ножками, узкой талией, в меру широкими бедрами, которые в первую очередь отметил впечатлительный Витек. Эта девушка чувствовала себя за ним, как за каменной стеной, и постоянно напоминала ему, что она хрупкая и слабенькая, поэтому присутствие сильного мужчины при ней было просто необходимо.

Главным сокровищем Юли были ее длинные черные волосы (почти до самого пояса). За ними Кудрявцева тщательно ухаживала, иногда просто сидя в кресле и поглаживая предмет своей гордости руками.

Выражения на ее лице сменялись волшебным образом: от серьезного и грозного в радостное и веселое. Личико Юлии было светленьким, несло в себе потаенный солнечный оттенок, словно после загара. Оно было овальной формы с небольшими вмятинками на щеках и бугорками у выразительных карих глаз. Именно глаза она нарочно выделяла тушью, как и длинные ресницы и геометрически правильные брови. Лоб Юлии был широк, подбородок был немного не симметричен, губы были розовыми и пышными. Шея была тонка.

Она поражала всех не только ошеломительно красивой внешностью, модельной фигурой и глубокими познаниями во множестве наук, но и добротой души, теплом, шедшим изнутри и дарящим успокоение и умиление. Именно этому свету и поддались пацаны, наблюдая, как она выбежала из подъезда и застыла на площадке у дома в ожидании, приподняв головку вверх.

Всех наверняка волнует вопрос: как Витя и Юля, собственно, нашли друг друга? Ответ прост – совершенно случайно. Долгое время они были одноклассниками, но знали друг друга только по имени и по тому, что учатся в одном классе. К близкому знакомству и завязыванию их отношений приложил руку сам Алексей Вершинин...

Дело было на школьной дискотеке в девятом классе. Подобные мероприятия всегда были местом скопления крутых и не очень компаний учеников и местом разрыва или завязывания новых отношений. Все происходило в спортзале. Большинство учеников танцевали и хорошо проводили время; некоторые стояли по стенкам и скучали. Среди таких якобы натамцевавших девятиклашек были и Ретинский с Вершининым. Пацаны к тому моменту уже привыкли к продвинутым тусовкам в ночных клубах, а на эту дискотеку пошли из стадного чувства, чтобы понаблюдать за всеми, по возможности узнать свежие новости и поклеить девчонок, некоторые из которых умудрялись пронести мимо надзирателей-учителей чекушки и незаметно поддавать. Именно такие девушки и были жертвами предусмотрительных и внимательных пацанов, которые получали в этот вечер двойное удовольствие.

Вершинин, словно король, величаво восседал на гимнастическом коне, а его дружбан Ретинский стоял рядом и вглядывался в ряды танцующих. Более всего его привлекала компания улыбающихся и танцующих с краю одноклассниц. Он глаз не спускал с Юли Кудрявцевой. И как он не замечал ее раньше? Алексей мигом распознал, кого Витя издалека согревает взглядом.

– Я что-то не понял, редиска (Витя звал его лешим, а Леша звал его редиской)?! – не стесняясь, сказал Вершинин. – Нравится тебе наша Юлечка, что ль? Так пойдй и пригласи ее на медляк. Что ты как в первый раз! Не маленький уже.

Ретинский давно таил симпатию к Юле Кудрявцевой, восхищался ее красотой, которой, как он говорил, нет ни у одной другой ботанички. Точно так же, как и Лешка. Таких воздыхателей у Юли было очень много (и стар и млад), но она до сих пор почему-то не была занята. Пытался наладить связь с Кудрявцевой и уже опытный к тому времени ловелас Леха, но настаивать особо не стал: не хотел портить такую красоту своими настойчивыми методами. В его понимании Юля годилась только для железобетонных отношений, а ему хотелось побольше попробовать. Как только он увидел увлекшегося ей Ретинского, то решил пустить его к ней первым, чтобы он разведал обстановку, так сказать. Знакомая ситуация, не правда ли? Как подопытного кролика.

Витя в тот момент испытывал смешанные чувства: с одной стороны, он считал, что подобная симпатия к отличнице может нанести урон его авторитету наводящего на всех страха школьного хулигана. С другой стороны, отношения с привлекательной девушкой были бы для него не лишними. Да и попробовать покорить непреступную вершину очень хотелось, поскольку Юля динамила всех подряд по неизвестной причине. «Почему бы не попробовать?» – думалось Витьку, к тому же обстоятельства позволяют.

Юля улыбалась, попивая газировку из пластикового стаканчика, разговаривала и пританцовывала под знакомые песенки вместе со своими подружками, не замечая, как рвет сердце Ретинского, испепеляющего ее взглядом. Леха не стал ничего говорить, а просто подтолкнул здоровяка ногой. Ретинский посмотрел на него растерянным взглядом. Прежде Вершинин такого взора у друга не замечал. «Эх! – подумал он. – Что же делают с человеком эти сантименты! Как же они меняют его. Никогда им не поддамся – мне и без всей этой любви, конфеток и букетиков отлично живется».

Услышав, как быстрая и подвижная музыка сменяется предсказанным Лешей медленным танцем, Ретинский поправил свою рубашку и сорвался с якоря:

– Была не была! Что я, не мужик, что ли? Зубрилки испугался? – на словах было одно, а в душе было совсем другое, поверьте мне. Он давно ждал этого шанса, хотя, если бы не Леша, Витек бы не решился на такой отчаянный поступок.

Витя бросился к Юле. Она с растерянным и огорченным видом уже принялась отходить к стенке с остальными, у кого не было пары. На глазах у всех Витя пригласил ее на танец: в этот момент его одноклассники застыли в оцепенении, Вершинин уселся поудобнее, чтобы не свалиться с коня, и принялся наблюдать за шоу не отрываясь. Сама героиня спектакля Юлия невинно улыбнулась, хотя, конечно же, была удивлена такому пасу. Выждав секунду-другую, она согласилась на танец с прогульщиком и разгильдяем, чем сняла с сердца Витька большой груз. Но впереди было еще много испытаний. Одно начиналось сразу же после... Ретинский толком не умел танцевать – в его голове крутился всего один совет от Вершинина: «Просто двигайся как можно изящнее. Правильно переставляй ноги – не смей наступать на ноги партнерше».

Затаив дыхание Вершинин наблюдал за тем, как Витя с Юлей медленно двигались среди толпы – на ее лице были какая-то опаска и одновременно доброта и нежность к партнеру по танцу, будто она тоже почувствовала необыкновенное влечение к Ретинскому. Виктор старался не напортачить с танцем, поэтому любовался и смотревшей на него чуть снизу Кудрявцевой, и собственными ногами. С этого танца все закрутилось с бешеной скоростью.

Вернувшийся к Лехе окрыленный Витя был доволен собой и вновь принялся смотреть на Юлю, которая под впечатлением от танца с главным возбудителем порядка в школе, которого она всегда немного побаивалась, подошла к своим подружкам. Те мигом окружили ее и принялись расспрашивать. Еще раньше Вершинин заметил, как все обратили внимание на эту странную танцующую парочку – двоечник и отличница. По толпе то и дело гуляли разговорчики.

Но самое главное заключалось как раз в том, что Юлия Кудрявцева ощутила странное чувство комфорта и успокоения, когда танцевала с Витей. Может быть, он не такой уж и плохой, как все судачат? Уже позже Юля призналась самой себе, что волей-неволей прониклась к Витьку Ретинскому. Да что тянуть kota за хвост! Втюрилась наша Юлька в Витю.

После такого Леша пребывал в приятном оцепенении и радости за друга, поэтому, не привыкнув останавливаться на достигнутом, принялся подливать масла в огонь. Похлопав подошедшего Витю по плечам, он сказал:

– Что ж, неплохо! Молодца! А теперь... ты просто обязан проводить ее до дома.

Ретинский еще не оправился от танца, а тут такое.

– Ага, что еще предложишь, стратег?

– Спор предложу, – азартно заявил Вершинин и спрыгнул с коня. – Спорю, что наш скромняга Виктор Андреевич Ретинский ни за что и ни при каких обстоятельствах, даже самых приятных, не сможет замутить с потенциальной золотой медалисткой Юлией Николаевной Кудрявцевой, – торжественно огласил условия он и протянул руку Ретинскому.

Осознав, что подобные условия нагло и развязно вызывают его на зрелищное соревнование, Витя игриво ответил другу:

– Посмотрим, как ты запоешь, когда это станет быльёю, – произнес Витя. – А что, если я замучу с нашей отличницей?

– На это и расчет! – уговаривал его Вершинин, подмигнув другу.

И Витя решил пойти ва-банк, набравшись смелости и решимости и откинув все предрассудки в сторону:

– А вот возьму и замучу! – весело заявил Ретинский и протянул руку Вершинину.

– Дерзай! – раззадоривал его Алексей.

– И замучу! – крикнул Ретинский. – И тебя не спрошу!

Пожав руку другу, Витек кинулся весело танцевать. Вершинин побежал за ним и запрыгнул на его спину – в таком вот виде они и принялись ржать, крутиться и прыгать в толпе танцующих.

Дальнейшие события не имеет смысла описывать, можно огласить всего лишь результат: в этом году Витя и Юля отмечали три года с тех пор, как они вместе. И никто ведь не ждал, что, благодаря неловкому спору двух закадычных друзей, все так обернется: у двоечника Витька получится заинтересовать Юлю Кудрявцеву, понравиться ей, у них завяжутся крепкие взаимоотношения, будет любовь... Вершинин с тех пор наслушался, как Витек, только разговор заходил о Юле, неестественно благодетельствовал ее милым голоском, так ему не свойственным.

Машина еще не успела остановиться, а Витек, будто забыв, что вытворял ночью, этим самым голосочком из окна машины уже принялся вести разговор со своей любимой:

– Ой, зайка, ты уже проснулась?

– Да, – недовольно ответила Юля, посмотрев на него испепеляющим взглядом. – И, между прочим, уже сготовила завтрак. А тебя все нет. И всю ночь не было, а я у родителей специально отпросилась, – набивала себе цену Кудрявцева, – чтобы с тобой побыть. Вместо этого я прихожу к тебе домой, вижу пустую неубранную квартиру и твой простывший след. В итоге весь вечер я просмотрела телевизор. А знаешь, что я делала ночью?! – напала на беззащитного Витю она. – Всю ночь я валялась в твоей холодной постели одна... без тебя!

После этих слов Кудрявцева положила руки на талию и сделала такое лицо, которое не просит, а именно требует немедленных объяснений. Ее личико было возмущено до предела и немного расстроено, но она была прекрасна всегда, даже когда злилась. Она, конечно, переигрывала ревность и возмущение – Юля волновалась, но была готова простить своего Витька. Она знала, что с Вершининым тот формально в некоторой безопасности.

– Так где же тебя носило с этим павианом?! – спросила она, выпрямив спину и показав пальцем на Вершинина. – Без обид, Алеша, – произнесла она и улыбнулась.

– Ничего, – улыбаясь ей в ответ, произнес Алексей, – сочту за комплимент.

– Я рада тебя видеть, – снисходительно добавила она и вновь улыбнулась ему. Лучезарные улыбки у нее почему-то никогда не получались, но смягчение обстановки сейчас являлось ее основной целью.

Признаться, у Вершинина давно была симпатия и тяга к Юлии Кудрявцевой, но эти чувства он тщательно скрывал и относился к ним осторожно, учитывая, что это пассия лучшего друга. Он не имеет морального права претендовать на нее – кодекс чести Вершинин все же соблюдал, но с каждым годом честь, мораль и достоинство постепенно уступали дорогу влечению, слепым чувствам и простому инстинкту самца. Каждый раз, когда Леша видел Куд-

рявцеву, то разрушал в голове по одному возможному препятствию к началу порочной связи между ними – с течением времени препятствий становилось все меньше и меньше.

Вершинина грели воспоминания: когда-то давно Юля, весьма умная девушка, симпатизировала, как и остальные ее подружки, возмужавшему Алексею Вершинину – ее подруги и сейчас не перестают это делать, сбившись со счета всех своих попыток. После случая на дискотеке Вершинин не переставал думать о Кудрявцевой, не переставал размышлять о том, как соблазнить ее и при этом не попасться. Невыполнимая задача. Юля отдала всю себя Виктору Ретинскому, этому грубоватому, необразованному, неотесанному полусироте и была ослеплена любовью к нему. В первое время Ретинского захватил вихрь всех этих чувств, но позже он спустился на землю – тогда и начались эти загулы с Вершининым. Как-никак Юля принадлежала только Ретинскому, закрыла себя от остальных парней и никем больше не интересовалась. Пожалуй, Витя тоже искреннее любил ее, хотя все походы налево на пару с Вершининым Витек объяснить не мог. Это было как бы за компанию.

Был еще один немаловажный аспект этих отношений: когда Витя, увлекшись красотой своей девушки, в страстных объятиях и горячих поцелуях начинал к ней приставать, делая намеки на начало интимной жизни, она тут же холодела и отказывала ему, мол, мне еще рано, я не готова. Так Витек и терпел три года и, в конце концов, решился на своеобразный рискованный шаг, о котором он объявил Вершинину: «Я лишу ее девственности на выпускном!» – с неким хвастовством говорил он (наверно, потому, что и она уже была не против этого), но потом как-то угрюмо добавлял, что это его мечта. Вершинин знал, что Ретинский просто выходит из себя, когда злится или ревнует, поэтому был весьма осторожен при мыслях завязать тайные отношения с Юлией – сама Кудрявцева ни разу не давала повода Вите ревновать и вряд ли даст.

– Прости, милая, – все тем же голосом ручного тигренка произнес Витек, вылезая из машины.

Ретинский медленно подошел к ней и нежно чмокнул в щечку. При этом Вершинину, сидящему в машине, показалось, что его друг опять опускается ниже плинтуса. Алексей также успел раскусить и хитрую задумку Юлии, которая всем этим недовольством добивалась нежностей от Вити. Ретинский обнял ее – результата она добилась, построенный еще с вечера план был исполнен. Вершинин брезгливо отвернулся от этого зрелища, не понимая и не разделяя таких ванильных отношений. У него был другой подход.

Одним глазком Вершинин успел заметить, как была одета Юлия Кудрявцева, вышедшая встречать своего суженого. Она всегда одевалась как можно официальнее, однако временами любила побунтовать и побезобразничать со своим образом: узенькие кофточки и блузки, обтягивающие лосины, полуоткрытые платица, туфли на платформе или высоких каблуках, а также коротенькие юбочки. Как раз в такой юбочке черного цвета она и выпорхнула на улицу. Черной была и ее блузка с закатанными рукавами и с надетой поверх нее желтоватой безрукавкой на замке.

Раздобрившись и позабыв, за что она еще хотела побранить Виктора, Кудрявцева произнесла:

– Ну ладно, пойдем завтракать, – счастливый Витя пожал руку Вершинину, обнял Юлю. Голубки пошли к подъезду вместе, но тут Юля остановилась и при Алексее строго добавила. – А вы, господа мужчины, к экзамену когда собираетесь готовиться? – с укором посмотрела она сначала на своего паренька, а потом и на Лешу.

Вершинин виновато опустил глаза. Витя же спросил:

– К какому экзамену? – фраза не на шутку разъярила заядлую отличницу.

– Ах! – всплеснула руками она и принялась истерично отчитывать Витьку, отчего Вершинин невольно прикусил нижнюю губу. – Вот как ты у нас готовишься, поганец! Ничего ведь еще не сделал: ни одну книгу не открыл, ни один пример не решил! Марш домой – поешь

и пойдешь готовиться, грызть гранит науки. Я лично прослежу, чтобы после этого у тебя не осталось зубов.

Она схватила его за мятую рубашку и повела в темный подъезд, а тот успел лишь помахать Леше на прощание и жестом сказать, мол, на созвоне.

– Юль! – окликнул девушку Вершинин, и она выглянула из подъезда. Тут Вершинина чуть не замкнуло признаться ей в своих чувствах, но Алекс вовремя переключился. – А как ты узнала, что мы подъезжаем?

– Леша, – произнесла Юля таким тоном, будто все то, что она скажет, было понятно даже грудному ребенку, – шум твоей таратайки я слышу за несколько районов отсюда. Если у тебя все, то извини, – сказала она и, улыбнувшись, залетела назад в подъезд вслед за Витьком.

Вершинин махнул ей рукой, а затем сострыпал удивленную мину и произнес в ответ на довод Кудрявцевой о машине:

– Ка-а-ак?! Она же почти бесшумная, – осмотрел салон своей тачки Алексей.

Внезапно его снова одолели мысли об этой прелестной девушке. Что-то тревожило душу Вершинина, не давало сосредоточиться и ясно взглянуть на всю ситуацию: внутренние демоны подстрекали его на необдуманный и рискованный поступок. Сначала его посетила странная идея. Поддаться этим мыслишкам или нет? Здесь уже решал извращенный разум Вершинина. Он сидел в машине и не трогался с места, уставившись в одну точку перед собой. Леша думал. Заметно, что Ретинский неумолимо меняется под влиянием Юли – терять друга Алексей никак не желал, хотя активно препятствовать их отношениям, вмешиваться и мешать их счастью ему до последнего не хотелось. Вершинина душила ревность и подстрекала жажда риска ради забавы – Лешке не хотелось отставать в свершениях и успехах от Витька, у которого получилось штурмом захватить сердце ранее самой непреступной первой красавицы и умницы школы. Вершинин желал обогнать друга в этом компоненте, совершив беспрецедентный поступок, чтобы гордиться собой еще больше, чтобы остальные только и говорили об этом. Подобная логика присутствовала только у одного Вершинина. Он не мог воспрепятствовать этому дикому желанию.

Мысленная буря в Вершинине подходила к кульминации. Тайный воздыхатель Юлии Кудрявцевой был в паре сантиметров от решения начать действовать. Кажется, Вершинин не в силах был терпеть: он заключил, что тот самый момент истины настал, что пора дать волю всем накопившимся чувствам, скрытым желаниям и коварным планам. Он решил сегодня же заняться Юлией.

Алекс устроился поудобнее и коварно произнес:

– Юля-Юля! Ай да Юлька! У-у-х! – напялив солнцезащитные очки, Леха посмотрел на себя в зеркало заднего вида и дал по газам – поехал подкрепиться в ближайший «Макдональдс».

Он не был в курсе того, что еще приключилось этой ночью...

Глава 5 «Под покровом ночи»

Ночью же случилось непредвиденное и в то же время закономерное событие, ставшее следствием всего, что происходило в разных частях города между разными людьми прошлым вечером...

По страшной случайности ужасное событие произошло с Димой Тихомировым, другом Алексея Вершинина – наверняка нетрудно догадаться, что необходимо было сделать Леше, чтобы этого избежать.

Дмитрий Тихомиров и его мама вели тихую и небогатую жизнь. Им двоим было хорошо и спокойно вместе, и такая идиллия редко когда прерывалась. Что же угораздило их оказаться ночью в гостях на другом конце города? Бесспорно, в тот вечер им пришлось прервать свой размеренный образ жизни первым за 10 лет приглашением Диминой мамы на день рождения к ее давней подруге Людмиле Головиной. Женщина очень удивилась такому знаку внимания после стольких лет и долго думала, идти или не идти, решив, в конце концов, посетить юбилей, на который ее так любезно пригласили. Проницательный Дмитрий понимал, что в этом точно есть какой-то подвох, а даже если его нет, то этот поход непонятно куда и непонятно к кому Диму настораживал: что там будет, кто там будет, какое общество, что за мероприятие такое – эти вопросы донимали его, и он решил отнестись к этому настороженно. Его мать уже несколько лет не посещала подобных вечеров, поэтому для ее же спокойствия Дима пошел на юбилей вместе с ней.

А та самая подруга, пригласившая их, сделала это, скорее, из жалости к их полузакрытой и немного странной жизни. Они не поддерживали дружеских отношений уже очень долго. Указанный срок обосновывает и невозможность следующей причины – попытаться хоть как-то развеселить и заставить развеется свою старую подругу – это явно не в компетенции пригласившей стороны. Вариант с публичным унижением тоже отпадает. Остается все то же сожаление к их образу жизни, однако бывшая подруга матери Тихомирова очень рисковала.

Добирались больше часа, поэтому немного припозднились. С сомнением, боязнью и неуверенностью, что примут должным образом, мать Димы, Александра Игоревна, и ее сын поднимались по ступенькам в направлении однокомнатной квартирki Людмилы Головиной, школьной и университетской подруги Тихомировой. В напряжении и страхе (с такими чувствами на дни рождения точно никто не ходит) они подошли к двери и нажали на кнопку звонка – Тихомирова внутренне давно хотела отказаться от этой затеи, но ее сын молча прикоснулся к ее холодным немного дрожащим рукам, зажимавшим коробочку со скромным подарком, посмотрел ей в глаза, и ей сразу стало легче.

За дверью явно не стали смотреть в глазок и тут же отворили. Небольшое опоздание Тихомировых сразу было воспринято Головиной как их стопроцентный отказ от приглашения – следовательно, они не придут. Вроде бы как облегчение. Про них уже забыли, а тут они все же возникли на пороге как гром среди ясного неба. Тетя Люся открыла дверь с улыбкой и увидела перед собой двух недостающих сегодня гостей. Дима, стоявший слева от матери, сразу принялся подозрительно рассматривать Головину. Люся была одета в бежевое платье; ее белые волосы были завиты на кончиках. Немного вытянутое стареющее лицо было покрыто косметикой. Тот самый юбилейный возраст выдавали руки уже немолодой, но еще не совсем старой женщины.

При виде Димы и Александры Игоревны ее взгляд сначала озарился, а потом потух, как и улыбка, сначала яркая, а затем какая-то посредственная и неестественная. С этой улыбкой она отошла в темную прихожую и велела гостям проходить внутрь – двое наших героев стеснительно вошли в квартиру. «Они обе хорошо постарели, – думал Дима, рассматривая бывших подруг. – Явно не так встречают старых друзей, которых не видели целую вечность. А 10 лет

– это еще тот срок». Головина мимоходом оглядела Александру, отводя взгляд от ее повзрослевшего сына, затем неловко обняла свою старую подругу, стараясь поскорее отстраниться от нее. Людочка по натуре была изворотливой стервой, поэтому, чтобы прибывшие гости не заподозрили, что их не ждали, ей пришлось всплеснуть руками и громко отметить, как же вытянулся и возмужал Димка Тихомиров – этот фарс он раскусил сразу, но виду озлобления не подал. Тут же после недолгого приветствия мама Димы скромно вручила Люде празднично завернутый подарок в картонной коробочке, а сам Дмитрий держал одну красную розочку за спиной, которую и преподнес Головиной. Всех отложенных на подобный случай денег хватило только на эту розочку и недорогие фужеры в праздничной коробочке.

Преподнеся цветок, Тихомиров как мог улыбнулся, понимая, что они тут совсем не к месту. Он сумел мигом оценить и обстановку тесной квартиры, в которой очутился. Напомню, что это была однокомнатная квартира – на многое в ней не размахнешься, как раз сойдет для одинокой 40-летней женщины: главная дверь квартиры вела в прихожую, свет в нее почти не попадал, она была темна также из-за отставших в некоторых местах бордовых обоев. Узкая арка из прихожей вела на тесную кухоньку, где стоял старый гарнитур, такой же древний стол, задвинутый в угол, на стене висел покрывшийся пылью телевизор. Из кухни можно было попасть на холодный балкон, заваленный всяким хламом – его бы вынести, но мужских рук в доме нет, а нанимать грузчиков было накладно. В левой стороне прихожей была дверь, через которую можно попасть в зал: он был сравнительно небольшой; его можно было сделать более просторным, если передвинуть в нем кое-какую мебель, а пока она стояла неудобно и неправильно, только загромождала проходы. А празднично накрытый широкий стол и стулья, стоящие рядом с ним, превратили эту комнату из зала в какую-то тесную кладовку. К столу прилегал белый диван, накрытый потрепанным покрывалом (наверное, для того, чтобы гости не запачкали единственную недавно купленную вещь). Ближе к большому окну у дивана стоял заваленный книгами компьютерный стол. Стена напротив по всей своей длине была закрыта множеством шкафов и тумбочек, на одной из которых стоял накрытый по старинке кружевной тряпочкой телевизор. На узком подоконнике за полупрозрачными занавесками, обтирающими пол, стояли горшки с цветами. Единственное достоинство зала – желтые обои и множество света: висела большая люстра, стояли торшеры, а обои только преумножали весь этот свет. Еще одну деталь заметил Дмитрий – отсутствие пластиковых окон. Все окна были деревянными, покрашенными в белый цвет. Подобные окна имели только две функции: либо никогда не закрываться до конца, оставляя щели, в которые вечно сквозит, либо при должном усилии захлопнуться навечно так, что потом даже с помощью каната и трактора не откроешь.

Зал уже вовсю был заполнен народом. За столом уже сидели гости и громко разговаривали. Подруга Диминой мамы в этот момент, сделав вид, что несет подарок на кухню, сама укрылась там, принявшись боязливо смотреть из-за угла за тем, что будет дальше и как гости воспримут новую компанию. Тут Александре Игоревне стало жутко неудобно и стыдно появляться перед гостями Головиной, которые наверняка прекрасно знали ее биографию. А ведь она ни в чем не была виновата, ни в чем перед этими мнимыми судьями не провинилась: во времена той истории, которую все припоминают и рассказывать о которой я, ваш автор, все никак не начинаю, Александра Игоревна Тихомирова поступила обдуманно, адекватно и главное – по зову ее доброго сердца. Правда, этого поступка общество не одобрило, поэтому все ее друзья и знакомые отвернулись от нее. Никто не откликнулся, никто не поддержал ее – так она и осталась одна со своим сыном. С тех пор Тихомирова старалась избегать появления в обществе, которое заставило ее думать, что она не права и не заслуживает отныне в нем пребывать.

Тихомирова отдышалась, посмотрев в сторону зала. Дима вновь подошел к ней и беспокойно спросил, все ли в порядке. Она, кивнув головой, произнесла, что все хорошо, и они вместе вошли в комнату. И тут все затихло. Все сидящие за столом уставились на них – Дима и его мама, стыдливо поспешили отыскать свободное место на диване, хотя их истинным жела-

нием было немедленно уйти. Явно все собравшиеся ожидали прихода на эти места кого угодно, но только не Тихомировых – для всех это стало сюрпризом, не весьма приятным. Все гости будто переменялись, стали более зажатыми и тихими, словно потеряли праздничное настроение, ощутив вместо него разочарование. Мамаша Димы уже разучилась находиться в подобной компании – ее вновь одолел неудобный холодок стыда и страха, она даже боялась поднять глаза, чтобы осмотреть комнату и гостей, а Диме, более привыкшему к обществу в школе, стало жалко маму. Но коль пришли и сели, то деваться было уже некуда.

Диме Тихомирову не нравилась эта унижающая их обстановка. Обилие желтого цвета начинало угнетать. Не вызывали симпатии у Димы и гости, недовольно посматривающие на них. Мысленно критикуя их внешний вид, он успокаивался, а, поворачиваясь к маме и ухаживая за ней, не мог налюбоваться ее красотой. Она надела свой самый лучший сарафан и свои любимые босоножки; в этом наряде она всегда выглядела так, будто помолодела на несколько лет – весь ее образ венчали светлые волосы, аккуратно убранные в симпатичную косу. Школьник же был одет в темно-синие джинсы с белыми потертыми пятнами, простую черную футболку и слегка потрепанные кроссовки – свою любимую серую толстовку на замочке с капюшоном он оставил в прихожей; его мама тоже захватила с собой беленькую курточку на случай дождя или прохлады.

Дима и его мама чувствовали себя не в своей тарелке: они были зажаты и резко отличались от других гостей. На лице каждого из присутствующих было заметно возмущение: почему Люда пригласила Тихомировых, унижить их или испортить праздник всем? Первой это возмущение выразила еще та интриганка Гуля, которая тайно позвала Люду на разговор в коридор. Там она с укором посмотрела на подругу и закурила тоненькую дамскую сигаретку:

– Ну? – недовольно спросила Гуля свою лучшую подругу Людочку, которая отмахивалась ладонью от едкого сигаретного дыма. Она догадалась, из-за кого ее сейчас будут отчитывать. – И что ты скажешь? – договорила Гуля, ожидая ответа, словно злобная учительница, которая оставила двоечника после уроков.

– Я откуда знала, что они придут, – принялась громко оправдываться Головина, но когда Гуля злобно постучала себя по голове и приставила указательный палец ко рту, Люся затихла и заговорила шепотом. – Посмотрела я на время, которое ей сказала – их нет, я и подумала, что не придут, а тут такое...

Гуля докурила, спокойно потушила окурок в висевшей на перилах консервной баночке и взглянула на Люду:

– Ты в своем уме вообще? – злоба так и струилась из нее, поэтому она четко выговаривала каждое словечко, немного прикрывая глаза. – Кто ненормальных приглашает?

Люся виновато опустила голову, не зная, что ответить. Она понимала, что стоящая перед ней Гуля являлась сейчас олицетворением мнения всех без исключения гостей. Та продолжала зверствовать, поправляя свои короткие крашенные волосы:

– Она своего подкидыша привела еще.

– Я подумала, – неуверенно произнесла она, зная, что совершила глупость, – что они этим хоть как-то развеяться, сходят куда-нибудь, среди людей побудут... А то они там совсем одичают вдвоем...

Этими аргументами Головина хотела хоть как-то задобрить Гулю, но та была непреклонна и еще больше разозлилась: не только на Людмилу, но и на свою пачку сигарет, которая в столь нужный момент оказалась пуста:

– Надо же, – удивилась она, взглянув на пустую пачку. – Я поняла твои мотивы. И знаешь, что я тебе скажу? – Гуля служила в районном отделе полиции, поэтому часто применяла подобные жаргонные словечки. Она на полном серьезе заявила. – Пусть они возвращаются обратно к себе в квартиру и сидят там, не вылезают. Мне просто противно не то что смотреть, а думать о них.

Тут Людмилу пробрало на жалость:

– И никакого сожаления?

– Никакого! – равнодушно оглянулась милиционерша. – А у тебя, я смотрю, совесть проснулась? – нагло спросила она. У Гули был противный и нахальный голос – даже если она делала комплимент, тон был такой, словно это оскорбление. – Пригласила их сюда! – возмутилась Гуля, машинально держа руку у рта, будто снова курила. – Саш-то вряд ли знает, что ты спала с ее мужиком. К тебе ведь он ушел после всего этого?

Это задело Людмилу, но словесный отпор у нее не получился – уж очень сильна была Гуля в подобной дамской полемике:

– И что из этого?! – положила руки на пояс Люда. – Он меня тоже бросил.

Тем временем Гуля уже потеряла всякий интерес к беседе, устав убеждать и ругать подругу – ей хотелось наконец поесть, выпить и расслабиться – она ведь на юбилее у лучшей подруги.

– Как знаешь, подруга, – махнула рукой она. – Тогда иди и посмотри на результат твоих стараний, мать Тереза, – Гуля указала на дверь.

– Ладно, – сказала она, – забудем, – Люда обняла подругу и повела назад в квартиру, расспрашивая о ее трудной работе в органах, – и откроем шампанское...

После возвращения именинницы и ее подруги юбилей наконец перешел в активную фазу. Подали первые блюда, и все вновь принялись разговаривать, есть, пить и благодворить Людмилу Головину, которая с тонкой улыбкой принимала поздравления и наблюдала за гостями, стараясь не замечать Тихомировых, чтобы лишний раз не расстраиваться из-за их присутствия. Сами они во все разговоры и действия старались не вступать и сидели молча на диване за столом, почти не меняя позы.

Тихомировы вели замкнутую жизнь (особенно это касается Александры Игоревны), предпочитая тишину, покой и размеренность – если же все вышеперечисленное нарушалось, то подобное воспринималось как трагедия. Вот и сейчас они не нравились всем из-за своего нестандартного образа жизни, характера матери и истории ее сына. Тихомировы старались не нагнетать обстановку вокруг себя. Хозяйка застолья чувствовала озабоченность и замешательство гостей. Но открыто попросить Тихомировых уйти, сами понимаете, она не могла. Это понимали и Дима с Александрой Игоревной – обстановка была совершенно не для них. Они бы с радостью ушли, но боялись что-либо предпринять оттого, что мама Дмитрия считала, что так рано со дня рождения подруги (даже бывшей) не уходят, ведь их любезно пригласили сюда и рано уходить невежливо. Мама Димы думала так, несмотря на то, что сидела без движения на одном месте и ловила на себе косые взгляды окружающих.

Но когда любезные поздравления и подарки, пожелания «счастья, здоровья да денег побольше» закончились, когда гости наговорились и наелись изысканной праздничной стряпни, испробовав и вкуснейших горячительных напитков, припасенных Головиной, все принялись танцевать и веселиться теперь уже без оглядки на Тихомировых. Одновременно каждый из гостей, покрасневших от алкоголя и развеселенных вечеринкой «40+», вспотевших от танцулек, горел желанием посплетничать о Тихомировых, посмеяться над их убогостью. На этом фоне все чувствовали себя чуть ли не богатыми господами, которые только и делают, что унижают и эксплуатируют своих слуг. Все хотели хоть как-то их задеть, обидеть или оскорбить, всячески давая понять, что они чужие на этом празднике жизни.

Дима огорченно понимал, что происходило вокруг: «Я вижу, как они пялятся. Я чувствую, как они злятся на нас», – он ощущал себя совершенно никчемным, хотя не был таковым. Его мама чувствовала это и обняла своего загрустившего мальчика, как когда-то раньше, укрыв его от боли, страданий, насмешек и окликов прошлого. Стыдился он того, что к ним двоим здесь абсолютно каждый относится с неприязнью, хотя стыдиться опять же нечего. Надо быть выше этого, как говорится. Особо одаренные (подвыпившие) гости сначала хотели в открытую

повлиять на хозяйку, чтобы она вышвырнула Тихомировых на улицу, а затем и сами захотели выпроводить их за то, что они портили веселье своим унылым видом. В защиту Тихомировых скажу, что эти самые «особо одаренные», в отличие от Димы и его матери, сами только и искали повод заявиться к кому-нибудь на день рождения или поминки, дабы поесть и попить, а в данном случае – еще и подарить какое-нибудь китайское тряпье или очередную бесполезную вещь.

Дима успел возненавидеть каждого из гостей. Он имел особые взгляды на жизнь. Среди прочего он считал, что большинство людей живут далеко не своей жизнью, жизнью не настоящей, а запрограммированным набором обязательных действий и примитивных алгоритмов, навязанных обществу узким кругом сильных мира сего. От влияния этого тупикового механизма нельзя было спрятаться – можно было только сопротивляться ему, но для этого нужно было приложить огромные усилия, однако неповиновение может вычеркнуть человека из нормальной жизни (что в его случае и произошло). Искомый механизм подкидывает в человеческую жизнь все то, что заставляет его свернуть с истинного пути. Так человек и совершает грехи, думая, что все это во благо – так он подрывает свое здоровье и невольно становится частью системы, которая губит человека как полноценную личность, губит его душу. Из системы практически невозможно вырваться без потерь. Здесь все: и алкоголь, и сигареты, и клубы, и секс, и деньги, и обязанность учиться, а потом пахать за копейки – все это части одного целого.

Дмитрий Тихомиров был против условностей, всегда пытаясь не соблазняться этим уловкам и идти им наперекор. Он старался помочь другим отказаться от всего этого и начать правильный путь, зажить новой жизнью. Стоит сказать, что Дима вследствие своей скрупулезности и жизненного опыта научился ценить то, что имеет, ценить тех, кто его окружает. Ценить не деньги и тщеславие, а настоящие жизненные ценности, ради которых стоило жить: семью, дружбу и красоту человеческой души.

В Диме, как отчасти и в Алексее Вершинине, проживало будто два человека. Первый жил в Мите в начале его жизни, а второй сейчас стремительно пытается уничтожить первого, постепенно вытесняя его – эта своеобразная борьба не утихает, нанося глубокий отпечаток на его характер. По мыслям и поведению мальчишки видно, какая из двух его натур на данный момент владеет Димой.

Дмитрий Александрович Тихомиров был отличным другом и верным товарищем, практически не имел врагов. Несколько качеств все же мешало ему полноценно жить и общаться с окружающими, как бы он не хотел их подавить – некоторые даже не подозревали, какой он на самом деле жизнерадостный, приветливый, открытый и умный человек. В этом списке замкнутость, неуверенность, недоверие, боязнь и чрезмерная ранимость. Каждое слово, каждое движение и действие Дима воспринимал близко к сердцу, поэтому в этом плане его собеседникам надо было быть предельно осторожными в словах и аккуратными в действиях: ведь не знаешь, из-за какого слова Тихомиров надолго задумается, а из-за какого взмаха руки обидится и так далее.

Его реакция часто не соответствует силе раздражителя, присутствует глубина и устойчивость чувств при слабом их выражении. Благодаря тому, что эмоциональные реакции и мыслительные процессы, бурлящие в Тихомирове, отличаются неспешностью и расчетливостью, они получают точность, большую силу, интерес и глубину. Диме свойственна сдержанность и приглушенность речи и движений, застенчивость и робость. Но стала заметной тенденция: он стал меняться и преображаться на глазах, когда нашел себе друга – Лешу Вершинина. Дима – это человек глубокий, содержательный, в некотором плане опытный, успешно справляется с поставленной работой и жизненными трудностями, которые иногда сам себе и создает. Он достаточно проницателен; временами Тихомиров может превращаться в человека, склонного к тяжелым внутренним переживаниям. А его повседневная замкнутость – это лишь внешнее

проявление постоянного внутреннего дискомфорта, хронического страдания, обусловленного тем, что он «не такой, как все».

Дмитрий был невысокого роста, где-то в районе 165 сантиметров, среднего телосложения – силу, заключенную в его худеньком тельце, он никак не мог использовать, не мог применить, не мог выплеснуть ее наружу, точно в его голове стоял какой-то мысленный ограничитель. Волосы у него были короткие, русые, завивающиеся в невыразительные кудри. Челка всегда зачесана вправо, открывая широкий лоб – волосы не заслоняли его и лежали, словно по линейке. Уши у Димы большие, немного оттопыренные в разные стороны. Его кожа была податски почти лишена волос – была чистой и белой.

Черты Тихомировского лица были приятны на вид, и даже не верилось, что эта лучезарная и веселая мордашка 17-летнего пацаненка, созданная улыбаться, почти никогда прежде не выражала веселых и радостных эмоций – раньше она была печальна и угрюма. Представить в печали лицо Тихомирова было нереально, а если и получалось, то сердце обливалось кровью от жалости, но именно так, поверьте, и было когда-то давно – это время Димка уже долго старается стереть из памяти. А сколько же слез раньше выплакали эти добренькие карие глазки. Его красиво изогнутые брови в момент удивления поднимались высоко, создавая на лбу три параллельные складочки, а рот с тоненькими губами, немного приподнятый к носу, сиял в улыбке, обнажая ровные беленькие зубки. Вообще, когда он улыбался или стеснялся, то опускал голову или наклонял ее набок. А смех, надо сказать, у него был особенный – так могут смеяться только радующиеся жизни маленькие дети – он искренний, протяжный и отчасти писклявый. Щеки у Тихомирова были впалые, а нос – заостренный, словно лезвие швейцарского ножа. На этой части лица выделялись широкие ноздри. Все лицо было чуток вытянуто – подбородок был широким, скулы были закруглены и всегда гладко выбриты.

Небольшая шея плавно переходила в узенькие плечи. Ручки у Димы были тонкие: почти без жил и выпирающих мышц, зато кисти были тяжелы и костисты. Ноги были длиннее туловища – он был совершенно не накачан, считая, что вместо этого обладает чем-то другим, более важным, нежели физическая сила. Однако плавание, которым он занимался, заложило в его тело необходимым силовой минимум.

Дмитрий всегда одевался простенько и небогато, при этом он умел выбрать из всего этого экономичного ассортимента одежды, который был ему по карману, самое лучшее и качественное. Тихомиров любил однотонные, иногда полосатые футболки-поло, такие же легкие кофты. Но больше всего он любил, можно даже сказать, обожал толстовки с капюшоном. На ногах у него всегда и везде были джинсы и кроссовки (он всегда покупал одни и те же по расцветке кроссовки, менялся только их размер).

День постепенно уходил, уступая место вечеру. Вечер плавно переходил в ночь. Небо постепенно розовело от заката, затем голубизна на небосклоне стремительно синела, а потом и вовсе чернела. На город быстро опустились сумерки, а за ними и крошечная ночная темень.

Время летело – юбилей в однокомнатной квартирке Людмилы Ильиничны Головиной не собирался заканчиваться. Первым шумное застолье достало Дмитрия – он не мог больше выносить всех этих людей, этого шума и гама; все в одночасье навалилось на него, будто огромный ком, и с этим он ничего не мог поделать – если только убежать от всего этого. Дима стал собираться – для начала он вскочил и вышел из-за стола, полного пустых бутылок, бокалов, блюд и грязных тарелок, позвав за собой свою обеспокоенную поведением сына маму.

Они вместе вышли в прихожую (их никто уже не замечал), и Дима прикинулся маленьким ребенком, которому надоело сидеть в гостях:

– Что такое, сынок? – спросила его мама, тоже уставшая от застолья, но почему-то удерживающая себя там всеми силами.

– Все, мама! – отрезал Тихомиров. – На сегодня нам с тобой хватит. Одеваемся и уходим, – он подумал и решил добавить, что хочет домой.

– Да, пошли, – тихо согласилась Александра Игоревна. – Домой так домой.

Дима засуетился:

– Сколько у тебя денег? – поинтересовался он, накидывая свою толстовку, собираясь звонить и заказывать такси, ведь время было уже позднее.

Александра Игоревна расстегнула свою сумочку и принялась шариться внутри. Дима нервничал, в ожидании топтался на месте. Тут его мать, немного помолчав, расстроено сказала, чуть ли не выпустив сумочку на пол:

– Я кошелек дома оставила, – произнесла она, боясь взглянуть на недовольного из-за растерянности матери сына. – Посмотри, может у тебя есть?

Дима принялся резво проверять свои карманы, затем он несколько раз проверил свою толстовку, обнаружив в итоге в потайном кармане неоднократно постиранные 50 рублей одной купюрой.

– М-да, – огорченно выцедил Дима, шурша в руках синеватой купюрой, – не густо.

Попав в такую ситуацию, мозг Димы выдал ему все возможные варианты дальнейших действий, включая мысль обчистить кого-нибудь из гостей, но Дима исключил ее. Ситуация была почти безвыходная.

Александра Игоревна отчаянно уселась на тумбочку в прихожей и принялась вслух рассуждать:

– Может на автобусе?

– Какой автобус, мам?! Ночь на дворе! Засиделись мы, – он покрутил в руках полтинник, предположив, что его никто не возьмет, банкомат не примет, и даже для мусорки он ужасно уродлив.

– Может... занять у кого-нибудь? – вновь попыталась что-то сообразить его мать.

Диме идея не понравилась. Не выдержав, он нервно произнес:

– Мама! Какой «занять»?! Ты видела этих людей? Они с нами находиться не могли. А ты хочешь у них денег занять?! – выкрикнул Дима, показав ладонью на стенку, за которой продолжался праздник.

Хотя если бы они во всеуслышание заявили пораньше, что собираются уйти, то еще трезвые и здравомыслящие гости скинулись бы даже не на такси, а на лимузин с полицейским сопровождением.

Но тут Дмитрию Тихомирову пришло в голову следующее: набрать своего друга Лешу Вершинина и попросить его заехать за ними – Диму давно посетила эта мыслишка, но он почему-то очень долго ломался, стесняясь просить об услуге наверняка занятого этой ночью Лешу, но он решился. Загоревшись этой идеей, он мигом отменил и другие варианты: к примеру, можно было попросить таксиста подождать, пока кто-нибудь не сходит в квартиру и не принесет ему деньги. Тихомиров, вынув телефон из кармана, уверенно пошел на кухню звонить, а мама осталась сидеть на месте.

Вернувшись с кухни, Дима заявил, что сейчас его друг примчится за ними и довезет, куда надо. Александра Игоревна уже успела огорчиться из-за ситуации, в которой они оказались. Дима заверил ее, что проблема решена – остается только дождаться. Адрес дома Головиной Тихомиров отправил Вершинину через несколько минут и уселся рядом с мамой в ожидании звонка друга.

Часы в прихожей неумолимо отчитывали минуту за минутой: сначала Дима сидел, прижавшись к матери, затем встал и оперся спиной об стенку, затем стал ходить взад-вперед, выглядывая с балкона. Он не знал, что в эти минуты, когда Дима ждет Леху, последний сначала валялся без сознания, а затем махал кулаками в драке, а позже обхаживал в клубе спасенных девчонок, совершенно позабыв о друге, который только на него и надеялся.

Прошло больше получаса, а ожидаемый Алексей на своем «BMW» так и не появлялся.

– Где же его носит?! – негодовал Дима, не приняв во внимание тот важный факт, что Вершинин (как вы помните) говорил с ним по телефону из клуба и был явно нетрезв – какая же в клубе трезвость, тем более поздним вечером.

Дима уже бесчисленное количество раз набирал номер Вершинина – безрезультатно: ни ответа, ни привета.

После попыток дозвониться до друга Дима вновь задумчиво встал у стены, подставил телефон к подбородку и в таком положении заключил, что никто их сегодня не заберет:

– Странно. Он бы давно уже примчался, – удивился Тихомиров. – А что-то нет до сих пор, – развел руки в сторону он.

Тут его мать тихонечко произнесла, угрюмо обхватив свою голову ладонями, что никто сегодня за ними не придет и не нужно себя обманывать. Дима боялся признаться себе, что Леша так с ним обойдется, поэтому возразил:

– Он мой друг, мама!

– Не знала, что ты с кем-то дружишь.

– Он придет... если я ему дорог, – произнес Дима и замолчал – его сразила нотка неуверенности. – Он придет... Вот увидишь, – с понижением тона говорил Тихомиров, отвернувшись в противоположную от мамы сторону. – Познакомитесь заодно.

Тишина прерывалась звуками из зала: музыкой, восклицаниями, звоном бокалов и тарелок. Тихомиров печально посмотрел на циферблат телефонных часов. Вновь выйдя на балкон и прислонившись к холодному стеклу рукой, он посмотрел мокрыми от слез отчаяния и обиды глазами на черные от сумерек деревья, а потом и на соседние дома с множеством желто-оранжевых огоньков в окнах, которые гасли один за другим. Звезд на небе видно не было; временами деревья колыхал ветерок. На улице в этот поздний час было безлюдно.

Митя и не подозревал, что Вершинину в это время было очень хорошо – зачем ему думать о благополучии кого-либо еще? Когда Тихомиров понял, что терять время и бессмысленно ждать у моря погоды он не хочет, он разочарованно произнес:

– Ну спасибо, друг, – Дмитрий до последнего верил, что Леша придет за ним, но тут вспомнил про пьяный голос в трубке и про клуб, а это, по мнению Тихомирова, плохо и надолго. – И на что я рассчитывал? – он медленно подошел к дремавшей сидя матери и от досады скоропалительно решил. – Собирайся. Без него обойдемся. Не поедем – так пойдем!

Александра Игоревна не на шутку переполошилась заявлением сына.

– Как же мы пойдем, сынок? – тихо спросила она, поглядывая на настроенного решительно сына, который затаил злобу на Вершинина. – Ночь на дворе, денег нет, транспорт не ходит. Идти по тьме на другой конец города? Что же ты задумал, Димочка?

– Я просто хочу уйти отсюда.

– Просто смирись и прими тот факт, – говорила она, – что никто не придет... Никто не придет и не поможет. Никто не будет жертвовать собой ради другого... Такая наша жизнь – она полна разочарований. Остается только принять их и продолжить жить, надеясь только на себя, – тихо молвила Тихомирова, а Дима торопился, поэтому не слушал ее. А она не понаслышке знала, о чем говорила.

– Ничего не бойся, мама. Я с тобой.

Все это время Дима думал о предстоящей дороге, на которую так с ходу, не подумав, решил, и пытался вообразить, чем таким важным сейчас занят Вершинин. Александру Игоревну очень насторожило и даже испугало рвение сына, но не подчиниться ему она не могла, как и не могла его бросить. Они тихо удалились из квартиры – их исчезновения никто не заметил. Странно, но после их ухода, гости стали постепенно расходиться.

Тихомировы вышли на темную улицу и, взявшись за руки, побрели в сторону неблизкого, но такого любимого дома. Было прохладно. Дрожь от холода и неизвестности пробежала по Диме мурашками. Он был так разочарован в своем друге, что согласился пойти домой пешком

именно ночью, невзирая на все сложности и опасности. В подобных ситуациях он был готов рубить с плеча, не задумываясь о последствиях. При других условиях, если же, например, у Алексея нашлась веская причина не приехать, и он огласил бы ее Тихомирову, Дима ни за что бы в жизни не высунулся на улицу так поздно. Но случилось не так, а как раз наоборот. Когда по его телу пробежала дрожь, он немного отстранился от своей мамы, чтобы она случайно не почувствовала того, что он замерз или чего-то боится, иначе ей не на кого было надеется. При ней же Дмитрий Тихомиров держал себя сдержанно, уверенно и непоколебимо, важно поглядывал на свои наручные часы.

«Друзья – это его собственный выбор. И он не мог в нем ошибиться, – думалось в тот момент его матери. – Видимо, что-то просто пошло не так. Главное то, чтобы из-за этой мелочи с нами не случилось непоправимое. Спаси нас, Господи, и пощади. Как же хочется домой... Вот ворона! Надо же было мне кошелек не положить – лучше бы подарок оставила». Неладное чувствовал и Дмитрий, но злость и досада затуманили его разум.

Тем временем через несколько кварталов впереди, на одной из улиц, по которой Дима мысленно прочертил маршрут до дома, произошло еще несколько на первый взгляд несвязанных с историей семьи Тихомировых событий. Но именно из-за них под покровом ночи и произошёл ужасный, не поддающийся пониманию нормального человека случай, который поставит под вопрос истинную цену человеческой жизни. Оказывается, в некоторых случаях она ничего не стоит...

В том районе было много однотипных панельных пятиэтажек. В пристройке к одному из таких домов когда-то давно функционировал центр детского творчества. Ныне там располагалось круглосуточное питейное заведение – злачный кабачок, который по ночам превращался в место скопления всей местной швали: бомжей, шпаны, алкашни, наркоманов, девушек по вызову и безудержных ночных гуляк. Именно из этого заведения глубокой июньской ночью вышли трое молодых людей и побрели прямо в сторону идущих домой Тихомировых. Но история этих трех подозрительных и немного выбивающихся из нормального и порядочного общества индивидуальностей началась еще в этом кафе, среди себе подобных...

Обездвиживающий, завораживающий, пленяющий дурман, который на несколько часов приятно помутит рассудок, стал отходить. Конопатый рыжеволосый паренек медленно приподнялся с лавки в темном углу, пошатнулся и, придерживаясь за липкий стол, покрытый следами от пивных кружек и сигаретным пеплом из переполненных пепельниц, побрел через весь зал, чуть ли не сбивая на ходу столы и стулья, словно кегли в боулинге. Рыжий уселся точно там, где и планировал. Приземлился он как раз напротив другого парня, одиноко и задумчиво сидящего за столиком в отдалении. Этот угрюмый человек был невысокого роста, худощав; его уставшее лицо, злобный взгляд, горячий нрав, опыт и лексикон абсолютно не соответствовали возрасту. Он сидел, чуть ссутулившись и положив локти на столешницу, медленно макая чайный пакетик в граненный стакан с кипятком. Появление обдолбанного Рыжего, кажется, несколько не удивило его – он продолжил то топить пакетик в стакане, то вызволять его из горячей воды, постепенно обретавшей подobaющий чайный цвет.

– Трофим, – обрывисто и тихо шепнул ему Рыжий, потерев пальцем нос. – Мне бы еще...

Сидящий долго не обращал внимания на Рыжего, но тот настырно ждал ответа – от него несло мощным алкогольно-наркотическим запахом. Видок у Рыжего был хуже некуда.

В конце концов человек достал пакетик из чая и бросил его куда-то на пол. Вздыхнув, парень, которого называли Трофимом, поднял глаза на подсевшего к нему нарика и хриплым голосом ответил:

– Слушай. Меня сейчас не трогай. Я зол, – спокойно говорил молодой человек с шрамом на всю левую щеку. – Кое-кто очень умный решил меня наебать. Я думаю, что с ним делать...

– Но Трофим! – уже громче заговорил Рыжий.

Трофим продолжил безразлично смотреть сквозь него.

– Я не понял, тебе еще надо? А не много тебе будет? Ты уже до хуя на душу взял?

– Да, – сглотнул слюну Рыжий, – но мне охота еще, понимаешь... Еще...

Хитрая улыбка сверкнула на лице со шрамом.

– Только у меня не хватает, бля, совсем немного, – признался Рыжий, вдруг почувствовав себя неудобно, будто его скручивало в разные стороны как мокрую тряпку. – Ты не мог бы мне дать в долг? – жалостливо попросил то и дело трясущийся Рыжий.

– Давай, кхе, – кашлянул Трофим, – сначала отойдем в сторонку...

Они оба отошли в узкий коридор у выхода, где Трофим, сменив безразличие на гнев, схватил своего покупателя за ворот тонкой водолазки, припечатал к стенке и закричал:

– Охуел, что ли?! – у тощего Трофима вполне хватило силы больно прижать желтушного клиента к стенке. – Еще в долг я не давал! – во всю глотку, никого не стесняясь, кричал Трофим. – Это тебе не жвачка. Это пыль стоит больше тебя! Больше всех вас, кто ее потребляет! Не смей больше лезть ко мне с такими дерьмовыми предложениями, иначе раньше родителей, которых ты грабишь каждый день, копыта свои откинешь! Неси деньги – получишь дозу! Не будет денег – сдохнешь в таких муках, которые тебе даже в кошмарах не снились. А если я еще припомню твои прошлые долги, то тебе придет конец – я тебя из-под земли достану, куда бы ты не съехался! Понял?!

Рыжий испуганно смотрел на худощавого дилера и истошно кивал головой на каждое его слово. После этого Трофим немного успокоился – он получил удовольствие оттого, что выплеснул накопившийся гнев от множества проблем и должников на ни в чем не повинного наркомана.

– Наскреби где-нибудь бабла... и получишь, что хочешь, – буркнул Трофим и ослабил хватку, дав Рыжему отдышаться.

– Но я не знаю, – вновь принялся давить на жалость Рыжий, взявшись за голову, – у меня уже ничего дома нет. Ни золота, ни серебра, ни копейки – ничего! – пустив слезу, жаловался он, не отставая от Трофима, который вышел на улицу, чтобы покурить и вдохнуть прохладный ночной воздух.

– Блять! – удивился Трофим, покачав головой. – Бедные твои родки – наверняка хорошие и уважаемые люди, а такого козла воспитали! Видел я и бедных, и богатых, и их деньги, добытые по-разному. Видел и их слезы, их последние слова. Исполнял их последние желания, а ведь они всегда были одни и те же... Нюхнуть, уколиться... и улететь. Без зелья все в этом мире разные, а с ним – все равны. Умирают все одинаково, в одних и тех же условиях, – размышлял Трофим. В этом городе всем этим смертельным делом заправлял он, и все эти несчастья происходили по его вине.

– Я смерти не боюсь, – заявил Рыжий, не отлипая от Трофима и вдыхая вонючий дым от его сигареты.

– Да ладно?! – удивился паренек с сигаретой, вновь желающий отчитать Рыжего за все его смертные грехи. Того охватила легкая дрожь. – А чего же ты боишься, если смерть тебе не по чем?! Боишься родителей подвести, работу потерять, экзамены завалить, состряпать ребенка телке своей, в долги залезть?! Ничего у тебя не осталось. Нечего больше уничтожать. Так что позволь мне внести ясность, – Трофим затушил сигарету и подошел к Рыжему вплотную, – уже поздно что-то делать. Ты давно обо всем позаботился, тварь подзаборная! Зачем тянуть, если все ради чего живешь уже давно в глубокой жопе?! Только наркота у тебя и осталась. Я ем на завтрак таких, как ты. Я ваш спаситель, ваш всевышний! Даю надежду, когда все пропало, – возвышенно заявил Трофим.

Он застегнул руки в замок за спиной и, ухмыляясь, стал молча рассматривать Рыжего: «Смерть твоя уже пришла», – подумал Трофим и послал жирный плевок мимо Рыжего напрямиком в траву.

– Сейчас ты готов молиться на меня... Готов сделать все, что я тебе скажу, лишь бы получить желаемое, – продолжил Трофим. – Мурашки побежали, да?! Как же ты жалок! Пойми, у тебя нет выхода! Нет обратного пути. Только путь вперед. Конечно, не по красной дорожке, а по дорожке, высланной белым порошочком. Это единственный выход – единственное на что ты, мразь, способен! – Трофим помолчал и добавил. – Твое тело в ловушке, в моей ловушке, и теперь я решаю, когда тебе умереть, когда жить и когда принимать. Прискорбно, но что поделаешь. Все вы, слабаки, такие. Плюхаетесь в омут и не знаете, как из него выбираться. А потом унижаетесь! Так вам и надо! Да, что-то я добр в последнее время – нужно с этим завязывать. Будем учить вас дисциплине. Короче... Без денег я не могу тебе помочь.

– Я прошу тебя войти в мое положение, – сдержанно выцедил Рыжий, будто не слушал Трофима.

Трофим был настолько бессердечен, что часто жонглировал жизнями обреченных, как душе было угодно, словно они были его рабами, а он – их злобным хозяином. В тот момент у него в голове зрели коварные и изощренные планы относительно этого человека. Он строил из себя великого босса-распорядителя, жестокого и запугивающего всех торговца смертью, который привык получать удовольствие от своей работы, как от самого настоящего наркотика, приносящего к тому же нехилый заработок. Он вполне адекватно заявлял, что ничего такого в этом не видит: ни причиненной боли, ни унижения, никакого зверства, разврата, выбивания долгов, ломки и последующих смертей. По его мнению, все это нормально, ведь каждый человек делает выбор в сторону наркотиков сознательно, поэтому его занятие весьма заурядное – люди рождаются, люди умирают.

Люди, подсевшие на этот ужас ради незабываемых ощущений, могли умереть сами и неожиданно – Трофиму нужно было лавировать в этом круговороте, иногда осторожничать, иногда вмешиваться и идти на рожон, чтобы контролировать ситуацию. Цель одна – не терять стабильный доход. На остальное было плевать.

Клиентура была разная: кто-то брал просто побаловаться, а кто-то только и видел в этом смысл своей жизни. Первая категория клиентов при должном нажиме и рвении успешно переходила во вторую. Последние – самые ярые покупатели Трофима – периодически покидали этот свет, поэтому он постоянно нуждался в новых людях. За этим направлением деятельности его «предприятия» он следил тщательно – сам разрабатывал и продумывал все схемы. К примеру, как находить чистеньких и любопытных, работать с ними, чтобы те подсаживались на иглу, а затем уже высасывать из них все до последней копейки, разрушая их жизни. Многие из таких становились зависимыми сначала от товара, а потом и от своего кредитора – Трофима. Тут его руки были развязаны. Имея болезненно развитое воображение психически нездорового человека, он творил с людьми все, что ему было нужно, пугая их мучительной смертью, используя их, вынуждая унижаться, одновременно пополняя ряды клиентов новенькими.

Когда Трофим взял под контроль этот город, он создал поразительно эффективную систему, которая всегда безотказно работала и приносила огромный доход, при этом не выходя из тени. Этот спрут распространился как на правоохранные структуры, так и на всю организованную преступность города, включая даже спящие террористические ячейки. Все были замешаны в бизнесе Трофима и даже зависели от него, поэтому никто не пытался как-то сопротивляться, ибо вмешаться и что-то изменить в системе без значительных потерь было невозможно. Попытки считались безрассудным суицидом.

Трофим был безоговорочным лидером (хотя выглядел как раз наоборот, в чем и состояла главная уловка), не имея ярких конкурентов – он прибрал к своим рукам все, до чего только мог дотянуться, постепенно начиная замахиваться и на другие отрасли. Под его контролем были все нелегальные городские структуры, но своему основному делу он все-таки отдавал большее предпочтение, чем чему-то другому, руководствуясь какими-то внутренними чувствами, среди которых не было ни стыда, ни совести, ни сожаления, а только жажда крови, смертей и

величия. Так без его ведома, желания и согласия практически ничего не происходило. Со временем Трофиму и этого стало мало. Он имел своих людей не только на улицах, но и во власти. Разрушение Трофимского спрута было чревато дестабилизацией всей ситуации в городе.

Система, по которой работала городская наркоторговля, представляла собой уровни, составляющие своеобразную пирамиду. Несколько особо приближенных окружало самого Трофима, и каждый заправлял своим направлением: финансами, охраной, производством и распределением. Каждый из Трофимовских друзей имел подчиненных на уровне ниже и так на каждой ступени до самого низа, до простых закладчиков. Напоминает средневековую систему вассалитета – в мире она изжила себя, но здесь работала в совершенстве. Товар шел сверху вниз, а деньги шли снизу вверх – уровень за уровнем. При появлении сбоев и проблем они мигом идентифицировались и устранялись – в большинстве случаев причиной всего был человеческий фактор. Освободившееся место провинившегося тут же заполняется человеком с уровня ниже, но если он ушел со своего места на более высокий пост, то он и только он должен позаботиться, чтобы его место заняли, и так далее, пока не дойдет до самого низа, где людям придется отдельно привлекать и обучать всему новичков, которые сразу же станут частью системы. Внизу, кстати, была ужаснейшая текучка – выше пробивались только самые одаренные, талантливые, сильные и... хитрые. А ведь когда-то и сам Трофим начинал с самого низа.

Из лап Трофима просто так не вырывался никто – это касалось и его подчиненных, и его клиентов. Любая оплошность мигом каралась, второго шанса исправить ошибку не было. Смерть – чаще всего единственное наказание провинившегося торговца... или его начальника, если потребуется. Иногда и Трофим снисходил на ступени ниже, занимаясь некоторыми клиентами лично, превращая их в собственные игрушки, через которые он мог на кого-то воздействовать, чем-то управлять либо вербовать нужных людей.

Сеть разрослась и стала городской обителью зла, с которой никто не мог совладать. Еще немного и банда Трофима не знала бы границ. Но рост временами прекращался – как раз из-за тех, кому с большим трудом удавалось вырваться: дезертиров из персонала и беглецов из шестерок, которые поняли, что их ждет либо тюрьма, либо смерть, а также из клиентов, которые смогли вовремя остановиться или сумели избавиться от своей зависимости. Среди таких вырвавшихся несколько лет тому назад был и Алексей Вершинин.

Для решения всех дел темная часть суток очень подходила. Трофим любил ночь.

– Я не знаю, где ты возьмешь деньги. Я не собираюсь входить в твое положение. Не дорос ты, чтобы я особо шевелил своими конечностями ради тебя, – говорил Трофим. – Кстати, мы, кажется, упомянули о долгах? – вспомнил Трофим и решил воспользоваться этим. – Если же сегодня не отдашь, то на следующий день я сотру тебя в порошок, обещаю! Надоело!

– Что же мне теперь делать? – приуныл Рыжий.

Его абсолютно не интересовало, умрет он завтра или нет. Больше интересовало (и он, не переставая, думал об этом), примет ли он дополнительную дозу так хорошо и надолго расслабляющего, уносящего его в другие миры любимого зелья. Остаться в пугающей реальности не было никакого смысла.

– Хм, он еще и спрашивает, – изумился Трофим. – Хотя! – приблизившись к Рыжему, Трофим схватил его за голову и произнес, заглядывая тому прямо в душу. Очи наркомана нервно забегали. – Скажи мне, ты же сделаешь все, что угодно, ради того, что сейчас в моем кармане?

– Да, – выцедил Рыжий, приготовившись к самому худшему, что только могло произойти с ним в жизни. Именно такого расклада он ждал от фантазии Трофима. Оставалось только смириться.

– Тогда валяй! – Трофим схватил Рыжего за плечи и поставил на колени, желая опустить бедолагу. Король улиц недвусмысленно указал на собственные джинсы... как раз в районе ширинки. – Приступай, – спокойно сказал он, широко расставив ноги.

Только Рыжий переборол себя и решился на невыносимые и унижительные действия с болтом Трофима ради очередной порции наркоты, как тот внезапно схватил паренька за подбородок и закричал:

– Ну ты, блять, и чмо! Рот открой! Рот!

Рыжий раскрыл рот и зажмурился. Трофим смачно плюнул в него и разящим ударом отправил пацана в полет по ступенькам.

– Хоть соси! Хоть что делай! В лепешку расшибись, гном, но деньги принеси. Не буду я тебе одолжение делать. Если не выйдет, то выбирай, как умрешь – сразу от пули или мучительно долго... от ломки и внутренних ран твоего сгнившего организма. Не знаю даже: почку продай, ограбь кого-нибудь!

Рыжий, получивший несколько новых ссадин и синяков, валялся на земле. С крыльца на него смотрел Трофим. Рыжему ничего не оставалось, как послушаться дилера.

– Кто ж в такую темень по городу разгуливает? – заскулил Рыжий.

Вдалеке, словно по заказу, кто-то показался. Трофим поковырялся пальцем в зубах и произнес:

– Ну не скажи, кто-нибудь да разгуливает! Вон тех, например, оприходуй, – он старался получше рассмотреть приближающихся людей, поразмыслил немного и коварно добавил, ухмыльнувшись и закатив рукава. – А я тебе даже помогу.

Тут из грязного заведения выперся еще один паренек в черной кожаной куртке, выглядевший еще хуже Рыжего. Парня потряхивало, его ноги дрожали, руки были раздвинуты в стороны, зрачки расширены, а губы бледнели с каждой секундой, как и лицо. Он, издавая какие-то нечленораздельные звуки, хотел обнять Трофима, но тот со смехом отстранился от этого прокаженного, указав ему пальцем в сторону медленно идущей по улице парочки. Он словно был пьян, но дело тут было намного запущеннее – он улыбнулся, бросился вниз по ступенькам и пошел по тротуару, несуразно шатаясь из стороны в сторону. За ним неторопливо побрели Рыжий и Трофим.

Подозрительная троица неумолимо приближалась к Тихомировым: психопат Трофим и два нарика, один под кайфом, а второй срочно нуждается в деньгах, чтобы оказаться в состоянии первого. Перебороть желание, сжигающее его изнутри, Рыжий был не в состоянии, поэтому готов был на все, чтобы утолить свою жажду.

Дима и его мама шли по темной улице быстрым шагом, не спуская глаз с дороги. В глазах Мити просматривалась уверенность и ненависть к Вершинину. Ему казалось, что только он способен без происшествий довести маму до дома. Злоба на друга, которого он так ждал и на которого так надеялся, придавала ему сил. Александра Игоревна шла, прижавшись к сыну, ни на шаг не отдаляясь от своей надежды и опоры – она очень боялась этой ночной прогулки, но перечить внезапному желанию сына не решалась. На ходу она обнимала своего сына, пыталась прижать его к себе. Дима был невысок, так что его мама даже чуть-чуть наклонялась к нему, словно тонкая береза, которую терзал ветер. Так они и шли, преодолевая метры, будто влюбленная парочка, блуждавшая по городу в столь поздний час.

Вы даже не можете себе представить, как в тот момент боялся всего вокруг Дмитрий Тихомиров. В ту ночь он жутко рисковал – мало ли что может случиться с ними ночью в городе, мало ли кто бродит по этим улицам и ищет легкой добычи. А Дима ведь был по своей природе мягок, раним, миролюбив, был милым домашним мальчиком. Драться он не умел – Вершинин как-то раз пытался научить его простейшим приемам, но Тихомиров не переваривал любое рукоприкладство и тут же принялся вешать на уши Лехе лапшу, связанную с учебой, отчего Вершинин тут же отказался от своей идеи. Тихомиров был твердо убежден, что любой кон-

фликт, даже драку, изнасилование или ограбление, можно решить словесно и дипломатически. Когда ему рассказывали про нападения и зверства преступников, Дима не верил ни единому слову о том, что люди вообще были способны на такое. Он был убежден, что всего этого можно было избежать, ведь даже с такими отбросами общества можно найти компромисс. Но кто же с ним будет церемониться? Просто-напросто он не попадал в подобные передрыги – он не знал, что не все люди одного покроя, что в моменты опасности и речи не идет о какой-то вшивой дипломатии. Вариантов остается немного: бегство, оружие или кулаки... либо побои, оскорбления, унижение и смерть.

Мать с сыном насторожились, когда компания молодчиков стала приближаться к ним. Тихомировы сбавили ход: им стало не по себе, ибо свернуть было некуда. А троица была все ближе и ближе. В конце концов их встреча произошла – Тихомировы до последнего надеялись, что все обойдется. Их надежда испарилась, когда они попытались обойти пацанов, но те предусмотрительно перегородили им дорогу со всех сторон. Тут ноги у Тихомировых будто вросли в землю. Они схватились друг за друга и принялись смотреть на трех больных ублюдков впереди.

Рыжий был одет в грязноватые бежевые джинсы и желтенькую водолазку, рукава которой были черными от грязи. Второй нападавший был одет в кожаную куртку и узкие черные джинсы, протертые на коленях и испачканные неизвестным белым веществом. Трофим не любил излишеств в одежде, поэтому одевался скромно, не считая это главным. Той ночью он был одет в синие джинсы, запыленные мокасины, полный дырок и заплаток дешевый пуловер с черно-фиолетовым орнаментом из квадратов и с нашитым на вырезе воротом от рубашки. Эти трое были просто напичканы подручными средствами ближнего боя: у Рыжего в кармане валялся раскладной финский ножик, заточенный до блеска; у второго из кармана куртки выглядывал кастет, а у Трофима сзади был спрятан пистолет.

Толпа уличных хулиганов готовилась к активным действиям, а Тихомировы покорно ждали, что с ними сотворят. Трофимовская команда сочла их легкой добычей, ведь сам Дима показался им мелким, а, значит, абсолютно непригодным для сопротивления. Александра Игоревна тоже угрозы не представляла: простая, малахольная, бледная женщина, которая только от вида гопников уже чуть не потеряла сознание.

– Ну что, голубки, – рявкнул Рыжий, угрожая ножом, – выкладывайте все ценное, коли вам дорога ваша блядская жизнь!

– Пасть заткни! – крикнул ему Трофим. – Это не голубки, а мать да сынок ее. Ха-ха, гляди, как он съезился и за мамку прячется! – Дима все время невольно смешил Трофима. – Мне это нравится даже еще больше, чем прежде, – заявил он и достал пистолет.

При виде оружия Тихомировы поняли, что обречены. «За что же нам все это?» – трагично думала Александра Игоревна, сжимая в правой руке сумку, а в левой – запястье своего сына, который никак не мог найти в себе силы подумать, как из этого выпутаться.

Тем временем рыжеволосый перешел в нападение – он подошел к Митиной маме и свирепо сказал:

– Сумку!

У Тихомировых не было денег – в сумке Александры Игоревны не было ничего ценного для грабителей. Из самого дорогого в ту ночь у Димы были только наручные часы, которые ему подарили, когда он получал премию мэра города за победу в каком-то крутом международном конкурсе для школьников. У его мамы можно было стянуть только серебряную цепочку с шеи, кольцо с указательного пальца и серьги с искусственными камушками. Так себе улов.

«Что же сейчас с нами будет?!» – думал Дмитрий и пытался что-нибудь сообразить, дабы спасти себя и свою маму. Трофим же глядел на Диму и пытался вспомнить, ведь когда-то давно он уже видел этого парнишку. Параллельно он говорил:

– Посмотрите-ка, как он смотрит на нас, – ржал Трофим. – Как кошка за клубком! Парниша! Глазки у тебя не выкатятся?!

Тихомиров побледнел, его то бросало в жар, то он дрожал от холодного озноба, а глаза у него, и правда, были похожи на два блюдца. Только Рыжий приблизился и протянул руку, чтобы выхватить из рук Александры Игоревны сумку, как Дима, внезапно оживший от ступора, сумел собрать волю в кулак. Он чуток оттолкнулся от неровного асфальта, подпрыгнул и вломил Рыжему прямо по солнечному сплетению – этого от пацана никто не ожидал. Тот отстранился в сторону, схватившись за грудь и выдав трехэтажный мат.

Дима действовал. Его правую руку все еще держала испуганная мама – он хотел было броситься наутек от перегородивших дорогу бандитов, потащив за собой и ее, но, как только он сделал рывок, Александра Игоревна не шелохнулась. Не сумев потянуть за собой маму, Дима мигом вернулся на прежнее место. Вот теперь точно конец. Не бросать же ее?

Сообщники Трофима могли бы ограбить Тихомировых и отпустить, ибо в кромешной темноте примет и наружности бандитов не рассмотреть. Так бы и случилось, но Дима, пересилив себя, из последних сил стал сопротивляться, защищая себя и маму. Это сильно разозлило и без того нервных и неуравновешенных преступников. Из-за поведения школьника они и сорвались с цепи. Они и до этого людьми не были, а сейчас окончательно превратились в зверей, которые решили на части разорвать свою добычу даже не ради обогащения, а просто ради забавы. Ради такого и сил потратить не жалко. Они принялись жестоко издеваться над беспомощным родителем и его дитем из-за того, что в эту ночь уж очень сильно чесались кулаки.

– Держите щенка, сука! – бормотал Рыжий, схватившийся за грудь, которая еще не оправилась от предыдущей драки с блюстителями правопорядка.

Наркоман в кожаной куртке был свиреп и быстр, поэтому подлетел к Тихомирову и схватил его, разлучив с матерью. Лицо нападавшего испугало Диму своей вампирской бледностью. Оправившийся Рыжий набросился на Александру Игоревну, схватил ее за горло одной рукой, а другой обхватил плечи, потащив к газону – тут-то он и заметил бижутерию, навешанную на ее ушах и шее.

Трофим, удивившись быстроте произошедших событий, произнес:

– Ты зря это сделал, мальчик, – он посмотрел на Тихомирова, который тщетно пытался вырваться из рук неадекватного бандюка. Обидчик готовился разорвать паренька на части, ждал лишь благословения Трофима.

Главарь же посмотрел в другую сторону, где Рыжий уже стягивал все драгоценности с Диминой мамы, стараясь всунуть их в свои узкие карманы. Трофим спокойно подошел к Александре Игоревне, которая была в ужасе от всего происходящего, поэтому почти никак не сопротивлялась. Он пригрозил ей пистолетом, а затем принял бесчеловечное решение:

– А твой сынишка – рискованный парень! – заявил он, обтирая свои мокасины об траву. – За это он и поплатится! В нашем мире нельзя высовываться, если ты слаб, – он подошел ближе к Диминой маме и шепнул ей на ухо, – именно поэтому ему здесь больше места нет. И он как молодое поколение уступит тебе место и первым отправится на тот свет... на твоих глазах, – жестоко заявил Трофим и отошел от нее в сторону Димы.

Александра Игоревна хотела помочь сыну, но ничего не могла поделать.

Трофим подошел к Тихомирову, прискорбно взглянул на него и приказал своему человеку:

– Заканчивай с ним! – сказал он, приготовившись принять непосильное участие в этой расправе. Он любил мучить людей, ибо весь мир мучил его. Говорили даже, что Трофим ВИЧ-инфицирован, поэтому и озлоблен на весь мир. Однако болезнь его особо не тревожила.

Наркоман в кожаной куртке обладал недюжинной силой – он приподнял легкого Тихомирова и изо всей силы бросил его на асфальт. В этот момент Александра Игоревна взвизгнула и зажмурила глаза, но Рыжий, пригрозив ей ножом, приказал ей не закрывать глаза и смотреть, как они расправлялись с ее любимым Димочкой.

На глазах у до смерти напуганной матери Диму стали изо всех сил быть ногами. Вскоре в ход пошли не только ноги, но и руки, и припрятанный кастет, который буквально ломал Митю, принося ему с каждым последующим ударом настоящие муки. Его мать собралась было закричать, но Рыжий зажал ей рот своей грязной ладонью и принялся медленно душить, чтобы та больше никогда не издавала никаких звуков.

Слышался лишь шорох одежды, звуки возни и еле слышимые всхлипы Александры Игоревны и стоны Димы Тихомирова, изнывавшего от боли. Его били так часто, что вскоре на нем не осталось живого места. Никто не хотел останавливаться – даже наоборот.

Тихомиров плакал от терзающей его боли, но изо всех сил старался терпеть, старался по возможности прикрываться руками, но силы быстро оставили его – он уже не мог держать руки в одном положении и контролировать свое измученное тело. Он лежал на холодной земле, чувствуя, как она медленно высасывала из него энергию. Постепенно рассудок Димы Тихомирова мутнел – он уже не мог двигаться, кричать ему было нельзя, иначе его убьет заполнившая глотку кровь. Били его профессионально, по самым болезненным точкам. Как только стало ясно, что он больше не сможет ничего предпринять, нападавшие оставили его.

Дмитрий изо всех сил старался подняться и хоть как-нибудь помешать подонкам, которые направились к его матери. Александру Игоревну повалили и избивали уже втроем. Диме ничего не оставалось, как со слезами на запачканном лице и пульсирующей, обжигающей болью в теле смотреть за тем, как уродовали его мать – он даже не мог повернуть голову в другую сторону. Тихомиров тянул к ней руки и пытался, цепляясь за траву, вскапывая руками землю, доползти до нее. При любом малейшем движении его пронизала острая боль, от которой он съеживался, зажмуривал глаза и стискивал зубы. Он открывал рот и хотел начать кричать, но вместо звуков изо рта текла кровь, а дышать было трудно. Оставалось горько плакать от сожаления, что в такую минуту он абсолютно бессилен. С ним погибала и его любимая мама, которая до самого последнего хотела спасти своего сына, всячески привлекая внимание Трофима и его людей на себя, чтобы они отвлеклись от Димы. В результате вся эта орава перекинулась на нее – она принимала все удары на себя, не думая сопротивляться, что только раззадоривало ублюдков.

Сознание покидало мальчишку – Диме внезапно стало грустно, что его лишают жизни именно так: жизни, в которой он так много не успел сделать, так много не повидал, так много не сказал; этой жизнью он не успел насладиться и не успел поблагодарить маму за все. Он чувствовал, как изнывает его тело, сплошь покрывшееся ссадинами, гематомами, синяками, царапинами, кровоподтеками и уличной пылью и грязью, за которыми скрывались ушибы, многочисленные вывихи, внутренние кровотечения и переломы. Он не мог пошевелиться, не мог даже без боли вдохнуть ночного воздуха, ему оставалось лишь вглядываться в ночное небо и сквозь слезы искать на нем звезды, которые так на нем и не появились. Подсознательно он звал на помощь... хоть кого-нибудь, но никто не приходил – вскоре и эта вера оставила его. Тихомиров чувствовал, как асфальт и земля вокруг становятся влажными от его крови. Дима медленно уходил...

Его сердце болело за маму – он ощущал и ее боль. Над Александрой Игоревной изошрались похуже, чем над ним – в ход пошло все: и нож, и кастет, и руки, и ноги, и кусок палки с газона. Превозмогая все свои возможности и невзирая на боль, Дима в полуобморочном состоянии тянул себя руками к матери. Он полз в том направлении, совершенно не думая, что может умереть от таких нагрузок. Он полз через боль и слезы, оставляя за своим телом кровавый след.

Рыжий увидел, что мальчик не обездвижен. Абсолютно неадекватный и освирепевший маньяк с улыбкой на лице ринулся к Тихомирову. Он, схватившись за толстовку, приподнял бедолагу и невозмутимо всадил нож прямо ему в живот. Дима резко ощутил холод, проникший вглубь него. Когда окровавленный нож был вынут, Дмитрий рухнул на землю и обмяк. Без движения лежала и его мать, зверски растерзанная молодчиками за колечко, цепочку и две

сережки, которые не представляли особой ценности. Ее платье было разорвано – она была окровавлена и изуродована, как и ее сын.

Обшарив лежащих вновь и убедившись, что у них больше ничего нет, банда принялась уходить с места преступления, прихватив еще в самом начале избиения наручные часы Тихомирова. Но одному из отморозков (в черной кожаной куртке) так понравилось это зверство, что он не хотел уходить, раздавая тумаки то Диме, то его маме. Трофим с Рыжим принялись оттаскивать его, но он постоянно вырывался. Пора было уносить ноги, ибо велика была вероятность, что кто-нибудь вскоре здесь появится, обнаружит трупы и их могут засесть по горячим следам.

Но тут обезумевший ирод вырвался из лап сообщников в последний раз и вновь побежал в сторону Тихомировых. Разбежавшись, зверь в человеческом облике в прыжке двумя ногами ударил Диму. Наркоман оскалил зубы и победоносно поднял руки. Проверив сохранность награбленного в карманах, он хотел было догнать остальных, но тут остановился посреди полянки, раскрыл рот, закатил глаза, издал какой-то непонятный и коротенький звук и плашмя свалился на землю. Это заметил Рыжий и потрепал по плечу Трофима.

– Что еще за хуйня?! – Рыжий подлетел к упавшему навзничь сообщнику. Бело-желтая пена изо рта обильно заливала шею и подбородок паренька.

Трофим сразу понял, в чем дело – его невольный помощник вот-вот откинёт коньки. Тем не менее, он быстренько обшарил его карманы, переложив все их содержимое в свои, и как ни в чем не бывало пошел прочь. Рыжий переполошился не на шутку, остановил Трофима и спросил, показывая рукой на поляну с тремя трупами:

– Что с ним стало?!

– А ничего! – равнодушно ответил Трофим. – Боженька покарал беднягу за это преступление. Не отходя от кассы, так сказать, – по выражению лица Рыжего стало понятно, что он ничего не понял, даже немного побаивался за свою жизнь. – Что ты, в штаны себе нагадил, что ли?! – улыбнулся Трофим и хлопнул Рыжего по спине, как ни в чем не бывало. – Передоз у нашего дружка случился. А пока валить надо! Но если ты хочешь, то можешь проводить его в последний путь, – Рыжий отрицательно покачал головой.

Преодолев пару кварталов быстрым шагом, сообщники разделились. Трофим забрал себе все награбленное в счет оплаты долга Рыжего. Последний миготом побежал домой, где до утра сидел перед припасенной задолго до этого бутылкой водки и обдумывал все произошедшее – парень впервые в жизни увидел смерть человека. Она действительно бывает скоропостижной. Рыжий намного позже осознает, что натворил: «Это тебе не старый металлолом из гаражей угонять», – сказал он про себя, припомнив былые делишки... Уже утром он собрался к Трофиму за очередной дозой, дабы хоть на мгновение забыть события этой ночи.

Сам Трофим воспринял все это как рядовое событие. Сразу после расправы он отправился в ближайший бордель, в котором был весьма частым и уважаемым гостем. Наручные часы Тихомирова ему так понравились, что он оставил их себе.

Глава 6 «Путешествие во времени»

На полянке у пятиэтажки, где росла сирень, воцарилась ночная тишина, прерываемая стрекотанием сверчков и потрескиванием фонаря над аркой в квартал. На земле без движения лежали: Дима Тихомиров, Александра Игоревна, мать Димы, и один из их палачей, скончавшийся от передозировки.

Перед неизбежным осознанием конца Дима Тихомиров от безысходности принялся молиться – только это ему и оставалось сделать: «За что же я так разгневал тебя? – принялся разговаривать с Богом Дима. – В чем я провинился так, что ты лишаешь меня жизни? И так уж мукам моим нет конца... Воля твоя – шли мне смерть... да поскорее! – он вздохнул и зашептал. – Господи, благослови меня принести молитвы и моления Твоему Благоутробию о моем ничтожестве и о всех моих родных и знакомых как здравствующих, так и почивших, за коих Ты умер на кресте. Господи Боже наш, помяни нас, грешных и непотребных раб твоих Дмитрия и Александру, внемди призывати нам святое имя Твое, и не посрами нас от чаяния милости Твоя, но даруй нам, Господи, вся яже ко спасению прошения, и сподоби нас любить, и бояться Тебе от всего сердца нашего, и творити во всех волю Твою. Яко Благ и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь, – не останавливаясь, Тихомиров продолжил шептать молитвы, которые помнил с детства. – Владыко Господи! Твой есть день и Твоя есть ночь, Тебе вся тварь работает, и всякое дыхание славит Тя; мы же, окаянные рабы Твоя Дмитрий и Александра, все житие наше скончав блудно, страхом одержимы есмы, яко помянухом дни первыя, и донныне, в няже вся безместная сотворихом злая; и того ради не имамы к Тебе дерзновения, яко беззакония наша велика, и безмерни греси наша, врази же всегда стужают нам. Но, Господи наш, Господи, отверзый устне немому, и наша уста отверзи, да глаголем в молитве угодная Тебе. Господи Иисусе Христе, хотяй всем человеком спастися, услыши молитву нашу, молитвами святых апостол Твоих, яко тии молятся за ны, и теми у Тебе просим прощения, яко тех молитвы присно послушаеши; молением их спаси нас, грешных, исцели болезни сердец наших, разжзи утробы наша пламенем страха Твоего, да пояст терние грехов наших, и души наша любовью прохлади, к Тебе бо желаем, Истинному Свету и Подателю Света, у Тебе Единого просим милости, спаси ны: насыти алчущия и напои жаждущия души наша от потока безчисленного милосердия Твоего: покрый нас благодатию Твоего человеколюбия от всякаго зла, да Тобою храними, избавимся многих сетей лукаваго, по вся дни на нас пропинаемых, и да не похвалятся врази наши о нас, рабах Твоих, уповающих на Тя. Спаси нас по милости Твоей, да воздадим обеты наша, до последняго издыхания каюсь о своих согрешениях, и прославим пресвятое имя Твое, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь, – перед отключкой Тихомиров припомнил последние слова. – Господи! Не остави нас, Тебя оставляющих ежеминутно! Не отрини нас, Тебе изменяющих непрестанно! Помози нам, рабам Твоим Дмитрию и Александре, тьмами грехов и напастей омраченным! Восприими в Твою любовь, милость и попечение! Аминь...»

Дима Тихомиров лежал на холодной земле с протянутыми в сторону матери руками. Он медленно и мучительно умирал, истекая кровью, но Бог послал ему спасение – последнее то, что он увидел, был свет автомобильных фар, осветивших полянку ярким светом, и чьи-то крики...

В болевом шоке, в котором он пребывал, в холоде земли, слез и крови ему внезапно привиделись сцены из прошлого. Он успел лишь заключить, что смерть вовсе не печальна – печально то, что некоторые люди вообще не живут.

1. Тихомиров сидел на корточках у кирпичной стены, сложив руки на коленях, и пристально смотрел на Вершинина.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил Тихомиров, глядя, как Леша размахивался и изо всех сил кидал свой телефон о стену, выложенную желтым огнеупорным кирпичом.

– Ну как что, Димка?! – неохотно отвечал ему Вершинин, сосредоточившись на сильных замахах. – Постоянно тебя надо учить. Телефон я хочу новый. «Айфончик» пятый! – мечтательно произнес он.

Вершинин продолжил разбивать свой старый наскучивший мобильник, а Дима смотрел на это с недоумением, ведь никогда бы не позволил себе такого. В этом и был их конфликт: их попытки переучить друг друга никогда не срабатывали. Дима хотел наставить Леху на путь истинный, а Вершинин хотел познакомить Тихомирова со всем тем, что любил сам и что Дима не переносил, потому что, по мнению Алексея, никогда не испытывал.

– Но телефон ведь стоит кучу денег, – произнес Тихомиров.

– Дмитрий, в нашей жизни деньги не играют такой уж большой роли. Здесь главное желание, оно всегда и всем руководит. Вот есть у меня сейчас желание иметь новый телефон – он у меня будет; есть желание иметь кучу денег – желание есть, значит, и деньги будут.

– А как же здоровье? Разве не оно самое главное?

– Если будет желание сохранить свое здоровье – оно будет в целости и сохранности.

Дима злобно взглянул на Вершинина, понимая, как тот заблуждается – тогда-то он и начал ломать голову, с какой стороны подойти к Алексею, чтобы в 101 раз убедить его в неправильности его бытия.

Вершинин часто подшучивал над Тихомировым, но все-таки Леша любил, ценил и уважал друга. Алексей уже давно находился на распутье между двумя друзьями, Тихомировым и Ретинским, не зная, кому отдать предпочтение, кому верить и за кем следовать.

Тем же вечером между Димкой и Лешкой состоялся небольшой диалог, который время от времени у них возникал...

На этот раз его начал Тихомиров:

– Я всегда рад тебе, братан, – говорил он. – Вот сильная же штука эта дружба! Мое сердце и двери моего дома всегда открыты для тебя. Смело обращайся, если тебе что-то понадобится – я всегда помогу.

Вершинин не сразу понял Диминого порыва.

– Что мне может от тебя понадобится? – с недоумением спросил Леша и, собрав брови в кучку, взглянул на Диму, считая, что он имеет деньги, смекалку, физическую силу, с которыми сможет решить любую проблему, не утруждая Диму по пустякам. Конечно же, мажор ошибался. Но с течением времени он стал понимать, что нуждается в ком-то надежном и непредвзятом, но опять-таки Вершинин, эгоист по жизни, боялся себе в этом признаться, будто бы это заденет и оскорбит его достоинство и собственное супер-эго.

– Да все, что угодно, – говорил Дима, – я даже умру за тебя, если так будет нужно... Для этого ведь и нужны друзья, – спокойно говорил Тихомиров, ожидая «правильной» реакции от Алексея – эти слова должны хоть немного заставить его поразмыслить.

Тихомиров застенчиво устремил взгляд на свою обувь и землю под ногами.

Вершинин ответил:

– Да, – отрезал он. – Ты прав, поэтому все тобой сказанное аналогично и с моей стороны. Ты всегда меня выручал – я в долгу перед тобой, – с улыбкой сказал мажор и протянул Диме руку, тот сделал так же. Кисти по-дружески сцепились в крепком рукопожатии.

2. Тут картинка в сознании Дмитрия Александровича Тихомирова помутнела, поменялась, унося его все дальше в прошлое – события, которые ему вспоминались, навеивали приятную тоску о прожитых, ушедших временах, погружая его в прекрасный прежний мир, делая Тихомирова все младше и младше...

Он увидел себя и весь свой класс со стороны на уроке физики, которую вел суровый директор их школы Емельян Николаевич Савин.

Все точные науки у Диминого класса всегда проводились в одном и том же кабинете с голыми стенами, с расцарапанной коричневой доской, широкими партами, неподъемными металлическими стульями и расколовшимся в некоторых местах кафелем на полу. Сам директор школы был человеком активным, справедливым, но из-за своего тяжелого характера и ответственного поста он был жесток и требователен. Емельян Николаевич не перебарывал недочетов и поправок, любил руководить и относился к этому с чрезмерной усердностью и излишним перфекционизмом, часто покрикивал на учеников и преподавательский состав (если с ним не поздороваться при встрече где-нибудь в коридоре, то это будет расценено как оскорбление и будет жестко караться).

Савин был невысокого роста; возраст у него был пенсионный, но директорское кресло он бросать не собирался. Руководитель школы всегда ходил в пиджаке и брюках, носил красные галстуки разных оттенков и серые рубашки, в руках у него всегда была кожаная папка для документов. Его внешность была такой же суровой, как и характер, как и его преподавательская, а затем и директорская закалка. Лицо отражало наступавшую на пятки директору неминуемую старость, от которой он старался убежать – лик был морщинистым. Нос у директора большой, брови пушистые, губы потрескавшиеся; взгляд был несколько потухшим, а иногда внезапно возгорался адским пламенем. На голове у Савина блестела лысина – кое-где русые, а где-то уже поседевшие волосы росли только на висках. Руки у него непроизвольно тряслись от нервного напряжения и почтенного возраста.

Именно на урок Емельяна Николаевича Савина (его часто называли Пугачевым) и попал Дима в своей предсмертной обзорной экскурсии по уходящей жизни. В тот серый зимний день Савин после проверки очередной контрольной работы, на выполнение которой несправедливо отводилось небольшое количество времени, вновь принялся ругать и отчитывать 11 «А» класс за неуспеваемость и почти повсеместное списывание. Что касается последнего пункта, директор спалил отлаженную систему списывания Вершинина у Димы и принялся зверствовать пуще обычного, чуть ли не вопя от злости, выпучив глаза и брызгая слюной:

– Это ведь черт знает что! – кричал Емельян Николаевич, размахивая в воздухе тетрадями с многочисленными вычислениями и формулами. – Что за бездарный коллективный труд?! Вершинин, ты в жизни никогда и половины этого не знал! Только не делай сейчас такое лицо, а слушай, что я тебе говорю... Вернее, что я на протяжении уже многих лет хочу вдолбить в твою башку!

Директор ненавидел Алексея Вершинина особо, даже больше, чем хулигана Ретинского, который посещал его кабинет в воспитательных целях чуть ли ни каждый день. Савин, в отличие от своих подчиненных, предпочитал не унижаться и не делать поблажек сыну богатых родителей, чтобы удержать его в школе – он не хотел добывать деньги таким способом и не любил расшаркиваться перед кем-либо, поэтому ему было глубоко наплевать, кто такой Алексей Вершинин и кто его родители, что они думают о директоре, как к нему относятся, придут ли скандалить и тому подобное.

Он продолжал:

– Я сейчас поставлю тебе кол, и ты вылетишь из этой школы, и никто тебе не поможет! Думаешь, что ты особенный?! Нет, тут все равны, никто здесь никого не выделяет. Не нравится – документы в руки и солдатским шагом в другое место, где найдутся люди, которые будут уважать твои якобы права и лизать тебе задницу, прыгать перед тобой, как зайцы, ожидая приказов. Я не буду этого делать! – директор сделал небольшую паузу для набора воздуха в легкие и продолжил с новой силой. – Я выкину тебя отсюда, если сейчас же не признаешься, у кого ты слизал контрольную, – он обратился ко всему классу. – Или кто-то хочет признаться сам? Иначе Вершинину действительно несдобровать! – никто не осмелился встать. Тогда директор сурово заявил. – Все, Вершинин! Твое дело труба!

И тут неожиданно для всех и для самого Емельяна Николаевича со своего места тихо поднялся отличник Дима Тихомиров, виновато опустив голову.

– Тихомиров?! – сказал директор, не веря своим глазам. – Ты, что ли, помогаешь ему?!

Одной из причин, по которой Савин не любил Лешу, было особое поведение и самолюбие Вершинина, его развязная манера держаться, которой он старался подчеркнуть свой статус. Директор не переносил Вершинина еще и по другой причине...

– Ужас! – выдал директор, почесав свою лысину. – Не понимаю, – он немного помолчал, решив в итоге не жалеть ни отличника Тихомирова, ни двоечника Вершинина. – Тогда я прочту вас двоих, умники! – Савин показал на них пальцем. – Вершинину ставлю «5», а тебе, Дима, поставлю жирную пару в журнал, и эта пара ставит под вопрос отличную оценку в четверти, – физик удовлетворился таким решением и был готов похвалить за него самого себя. – Я чрезмерно уважаю и ценю тебя, Тихомиров, но связаться с этим человеком...

Вершинин больше не мог терпеть, поэтому вызывающим тоном спросил Емельяна Николаевича:

– Каким-таким человеком?!

Савин неожиданно ответил не своим голосом:

– Человеком... без сердца.

Услышав это из уст Емельяна Николаевича, Алексей со всей силы стукнул кулаками по парте, вскочил, чуть не опрокинув ее, откинул в сторону стул, на котором сидел, подхватил свой легкий портфель и под удивленные взгляды одноклассников свалил прочь из класса, хлопнув дверью. Все молчали. Директор тоже.

А все было очень просто: несколько месяцев назад Вершинин охмурил директорскую внучку, они встречались втайне от Савина. Как и было свойственно Алексею, их мнимая любовь и такие же отношения продолжались недолго – он просто воспользовался ей и бросил. Сразу же после этого девчушка впала в глубокое уныние, плавно перешедшее в затяжную депрессию. Она ничего не ела, не разговаривала, почти не выходила из дома, что, естественно, разозлило ее воинственного и непримиримого деда. Сам же Вершинин успел позабыть о ней и закрутил интрижку с другой. Емельян Николаевич, души не чая в своей внучке, решил не давать ее в обиду – не боясь испортить репутацию, директор стал открыто прессовать Вершинина. Савин возненавидел его, не мог переносить присутствия этого ученика на уроках – аналогичные чувства к директору испытывал и Алексей.

В тот день Вершинин в бешенстве за несколько минут долетел на своей машине до квартиры, кроя директора матом и попутно размышляя, как ему отомстить за нанесенное оскорбление, как унижить и подставить его. В этом деле Вершинин (особенно в таком состоянии) был изощренным стратегом.

– Гнида! Сука! Тварь! Паскуда! – негодовал Леха. – Без сердца я, значит?! Да как ты посмел так сказать, выставить перед всеми... Клянусь, отныне тебе будет очень плохо, старый ты козел! – от ярости Алексей чуть не сорвал с петель дверь на кухню и чуть не раскрошил там всю мебель.

В дверь позвонили.

– Кто там еще?! – разозлено вскрикнул Вершинин и ринулся в тамбур. В такие моменты вся его внешняя красота куда-то исчезала – лицо темнело от злости. Сердце билось чудовищно быстро, руки дрожали, волосы на голове были взъерошены.

Он резко отворил дверь – за порогом стоял огорченный Дима Тихомиров.

– Ты-то, слабоумный, зачем ввязался в это?! – закричал на него Вершинин, пытаясь убедить, что не стоило ради него рисковать своей успеваемостью.

– Ты же мне дорог, – тихо ответил Тихомиров. – Ты мой друг, причем единственный, поэтому я должен был так поступить. С Николаевичем я разберусь – он и не такое мне прощал.

В подобные моменты Вершинин недоумевал, для чего люди жертвовали чем-то ради других – такая отзывчивость и самопожертвование ему были непонятны, ибо он вполне мог справиться со всем этим сам и без посторонней помощи.

Тихомиров терпел Лешины выходки, зная, что Алексей в обществе и Алексей наедине с ним – это два разных человека. Дмитрий так любил своего друга, что иногда не замечал, как он, благодаря Вершинину, прилюдно попадает в смешные и нелепые ситуации. Из-за этого его и не воспринимали всерьез, посмеивались над ним, сторонились, а Тихомирову было все равно – главное, что сам Вершинин не разделяет мнение остальных.

Когда началась ахинея с клубами и наркотой, Тихомиров всеми силами стал противодействовать новым увлечениям Вершинина. Дима пытался отучить его от всего этого снова и снова, а Вершинин знал, что Дима так заботится о нем, так беспокоится за него, благодарил друга за то, что тот желает ему только хорошего, но значения нравоучениям не придавал, чем обижал Тихомирова.

3. Картинки перед глазами Димы сменялись – пробуждались воспоминания...

Ему вдруг вспомнилось прошлое лето, когда они классом решили отправиться отдохнуть на озеро: снять бунгало, пожарить шашлыки, подышать свежим воздухом, побродить по лесу, искупаться – одним словом, отдохнуть и хорошо провести время. Ну как же не закатить отменную тусу на озере, особенно когда никто не контролирует?

Если ехал Вершинин, то за ним без разговоров ехали и все девчонки из класса, а за самими девчонками в нагрузку увязывались еще и парочка пацанов. Для всего класса Алекс был душой компании, предметом зависти и обожания – с ним было весело и интересно. Девчонки уже давно вычислили отличный момент, когда подкатить к Вершинину, а сам Алексей давно уже провел собрание среди пацанов, и все они давным-давно поделили девчонок меж собой.

Планировалось побыть на озере сутки – деньки стояли солнечные и жаркие. Холмы и пригорки, покрытые свежей зеленой травкой и полевыми цветочками, нежились под солнечным светом. Небо было голубое, по краям небосвода были разбросаны кучерявые облачка и небольшие тучки. По воде гулял ветерок, который нагонял небольшие волны на сине-голубой поверхности озера – вода еще не совсем прогрелась, но к ее прохладе можно было быстро привыкнуть.

Прибыв на место на машинах, в уютную рощицу недалеко от песчаного берега, веселые одноклассники быстренько бросили вещи в бунгало, захватив с собой все необходимое для шашлыка, и побежали на пляж. Там нашелся подходящий тенечек, где и решили поставить мангал. Всем было невтерпеж окунуться – пацаны, оставив девчонок насаживать маринованное мясо на шампуры, побежали к воде, принялись плескаться, нырять и беситься. Один лишь Тихомиров, захватив полотенце, расстелил его на окраине тенька, и принялся листать книжку. Он, конечно же, не имел представления о таких вот выездах на природу, поэтому выделялся среди общей веселости и непринужденности своей серьезностью и отторжением от общего дела, наблюдая то за девчонками, то за пацанами.

– Мальчики! – крикнула одна из девчонок. – Мы свое дело сделали – теперь ваша очередь огонь разводите и мясо жарить!

– Потерпи, дорогая, – шутиливо отозвался Вершинин, брызгая в пацанов холодной водой, – наше время отжарить вас ночью придет! – все дружно заржали. – А если ты про шашлык, то сейчас, мы решим здесь кое-что, – Вершинин похлопал по спине качка Ретинского, который уже накупался и собирался выходить. – Витек, а Витек!

– Леший, ты что, не набесился еще?! – обратился к нему Витек.

– Да нет! – сказал Вершинин, прыгая вокруг Вити, как заводной. – Я предлагаю спор. Слабо тебе вон до того мыса доплыть? – Вершинин показал пальцем на выступающую скалу на смежном берегу озера.

– Мне уже порядком надоели твои споры, Леха, – попытался отказаться Ретинский.

– Ой-ой, как трусливо! – наигранным тоном вопил Вершинин. – Сказал бы мне «спасибо»! Если бы не мои споры, то, во-первых, не встречался бы ты сейчас с Кудрявцевой, во-вторых...

– Леха, ты же знаешь, что меня не нужно на «слабо» брать, – посмотрел на Лешу Ретинский.

По его взгляду Вершинин понял, что Витек созрел.

– Мужики, вы с нами?! – пригласил и других пацанов Вершинин, которые уже успели выйти на берег и обтереться.

– Что за дело? – спросил один.

– Легенькое совсем! До того мыса доплыть – кто быстрее, – проговорил Вершинин и внезапно вскричал. – Прямо сейчас! – и они с Витьком ринулись плыть по направлению к другому берегу. Еще двое пацанов, побросав полотенца, ринулись за ними.

– Господи, чего они удумали? – сказала одна из девчонок с шампуром в руках.

Юля Кудрявцева, рассматривающая свой новый купальник, приподняла соломенную шляпку и взглянула на заплыв пацанов:

– Что ж поделаешь?! Дети, – надменно произнесла она, – совсем еще дети.

Тихомиров сразу же оторвался от книги и стал пристально наблюдать, кто же из одноклассников быстрее доплывет до скалы. Естественно, он болел за Лешу.

Вершинин и Ретинский плыли быстрее всех, активно размахивали руками над водой и обильно бултыхали ногами – они тут же оторвались от других. Алексей, еще не проплыв и половины пути, уже представлял, как первым достигнет мыса и покорит его, величаво встав на вершине и показав всем, что он самый сильный, выносливый и крутой. Вершинин на вершине! Постепенно двое отставших преследователей снялись с дистанции, еле вернувшись на берег, сославшись на усталость и голод. Ретинский с Вершининым рвались вперед. Усталость после половины пройденного пути стала напоминать о себе и влиять на скорость, рвение и желание ребят доплыть до этой проклятой скалы. Тяжелый Ретинский стал уступать по скорости более легкому и скоростному Вершинину, поэтому решил с горечью от проигранного спора развернуться к берегу. К тому же Ретинского мучило какое-то странное чувство опасности.

– Слабаки! – крикнул из воды Вершинин. – А я доплыву! – не зирая на бессилие, Вершинин решил во что бы то ни стало закончить начатое.

Переплывая глубокое место перед заветным финишем, Вершинина неожиданно пробил внезапная дрожь. Все тело затрясло, зубы застучали, губы посинели. Леша не сразу понял, что с ним происходит, поэтому решил ускориться и поскорее нащупать ногами мелководье, но волны отбрасывали его все дальше и дальше от берега. Он тщетно старался перебороть водную стихию, но силы стремительно оставляли его. Тут он почувствовал, как его ослабшие руки не стали сгибаться, а замерзшие ноги, отказавшись подчиняться, стали тянуть его ко дну, словно два якоря. Вершинин стал истошно бултыхаться в воде – через мгновение его ноги свело окончательно. Он стал захлебываться, понимая, что, как бы он не бултыхался, выплыть не удастся, ибо он только потеряет оставшиеся силы.

Прежде чем пойти ко дну, он успел лишь высунуть голову из воды и истошно закричать, произвольно запустив в рот холодную воду. Его бултыхание, мало похожее на техничное плавание, тут же заметили на пляже. Девчонки подняли шум, начав махать руками Витьку Ретинскому, находившемуся недалеко от Вершинина, чтобы тот развернулся. Витя тут же заметил утопающего друга и попытался доплыть до него, но силы не позволяли ему прийти на помощь Вершинину вовремя.

Леша впервые понял, что абсолютно не способен повлиять на подобные обстоятельства жестокой жизни, которая с легкостью способна убить его в любой момент. Сейчас его губила самоуверенность и нерасчетливость. Он оказался бессилён против водной пучины, постепенно

поглощающей его. Удержаться на плаву все труднее и труднее. Алексей успел лишь сказать ногам: «Какого хрена?!» – гибнуть он не хотел – по крайней мере, именно так. Иногда он даже считал, что навечно останется молодым, а если и умрет, то в роскоши. Сейчас на прощание с жизнью у него не было времени – теперь он желал только одного: чтобы его вытащила из воды невидимая рука чуда.

Тут и произошло неожиданное... Дима! Тот самый Димка, худенький, стеснительный, неуверенный в себе мальчик, сорвался с места и помчался к воде, кинувшись спасать Вершинина. Он бросился в пучину, резво поплыв в сторону утопающего. Ей-богу, он бы убил себя, если бы позволил себе опоздать к тонувшему Вершинину. Последний ведь был крупнее Тихомирова, что затрудняло бы немедленное спасение, но здесь Дима надеялся на свою сноровку, приобретенную в секции плавания. Он не помнил, как достиг Лехи – он плыл так быстро, что вскоре обогнал Ретинского, который изо всех оставшихся сил плыл за ним, понимая, что в одиночку Тихомиров не сдюжит их общего друга.

С берега с замиранием сердца наблюдали за спасательной операцией, удивляясь скорости Димы Тихомирова (будто в него был встроен моторчик от лодки). «Самому бы не утонуть!» – думалось в тот момент Димке. Он подгробал под себя воду, высоко закидывая то одну, то вторую руку, вертя головой, то вдыхая, то выдыхая воздух, как профессиональный пловец. Алексей видел, что подмога идет – он и не ожидал, что Тихомиров был способен на такой геройский поступок. Вершинин шел ко дну, не мог больше держаться, ведь его тело сковало – он бултыхался недолго, всеми силами протягивая руки как можно выше.

Как только Дима подплыл ближе, Лехи на поверхности уже не было. Дмитрий, не теряя надежды, вдохнул поглубже и нырнул в темную пучину, преодолевая сопротивление воды, которое то и дело хотело выкинуть его на поверхность. Тихомиров протягивал руки вглубь – Леша как мог тянулся к нему. В первый раз Тихомирова вытолкнуло из воды, но он тут же нырнул обратно, всплеснув ногами – хорошенько разогнавшись, он приблизился к Леше, уже давно пускающему пузыри изо рта, обхватил его за грудь и потянул за собой на поверхность, что оказалось весьма непросто. Их стремительно тащило вниз.

Титаническим усилием Дима поднял друга на поверхность, стараясь держать голову Лехи на поверхности. Бездыханное тело Вершинина, кажется, желало потопить и Тихомирова. Но тут Лешу подхватил подоспевший Ретинский. Вместе им было легче доплыть до пляжа.

Пацаны на берегу приняли Алексея на руки, отнесли в тень, положив его на песок.

– Не дышит! – крикнул один.

– Пульс проверь! – крикнул другой.

Девчонки молчали, не сдвигаясь с места и не веря своим глазам.

Ретинский припал к лежащему Леше, совершенно не зная, что с ним делать теперь.

Тихомиров вышел из воды последним: его знобило, ноги тряслись.

– Витя, – негромко произнес Тихомиров, – переверни его на живот.

Ретинский мигом крутанул Вершинина, положив того головой вниз, и вода, заполнившая глотку и дыхательные пути, мигом вылилась изо рта горе-пловца Лешки на песок – он очнулся, громко прокашлялся, захватил столько воздуха в грудь, сколько смог, и удивленно посмотрел на столпившихся вокруг него одноклассников, будучи не в силах подняться.

Дима увидел очнувшегося Вершинина и еле вымолвил: «Живой», – сказал он и тут же рухнул на песок без сознания.

– Как ты себя чувствуешь?! Чем тебе помочь?! – спрашивали одноклассники Вершинина один за другим, обступив его со всех сторон.

Вершинин, приподняв тяжелую голову и осознав, что он уже вне опасности, произнес:

– Димке лучше помогите.

Все обернулись и увидели, как упавшего от изнеможения Тихомирова ласкают волны с озера. Все бросились к нему и привели его в чувство.

В тот день произошло много чего неожиданного и пугающего. Горе-пловцы к вечеру оклемались, но осторожная Кудрявцева не разрешила им даже прикасаться к алкоголю. На ночь к ним в комнаты пришлось подселить по одному человеку, чтобы наблюдали за ними, если им вдруг станет нехорошо. Гулянка была немного подмочена, но не испорчена – все лишь восторгались поступком Тихомирова, в том числе и Леша. Между ними той ночью произошел длинный разговор, который никто не слышал, но после него что-то в их отношениях поменялось – это серьезно сблизило их.

Залить день нехилых впечатлений горячительными напитками полностью не удалось, но каждый очень старался. Кудрявцева запретила Вершинину пить, но Ретинский все-таки таскал ему рюмку за рюмкой, бокал за бокалом, стакан за стаканом. Говорили, что Вершинин в ту ночь успел даже оприходовать одну из девчонок. Чудак-человек!

4. Дима вспомнил тот разговор с Лешей на озере. Бесценные воспоминания немного согрели его.

Тихомиров увидел доколе знакомую ему комнату с широким окном. На стенах остались обои, но они были в лоскуты разорваны. Кое-где виднелись желтые пятна от недавнего потолка. Старый пол почти прогнил. Именно в эту комнату в полупустом общежитии и запирали Вершинина, когда он остро нуждался в новой дозе наркоты, на которую умудрился подсесть в клубе.

За процессом его избавления от зависимости отвечал небольшой отряд добровольцев во главе с Витей Ретинским. Они пользовались и методами убеждения, и методами принуждения, прибегая не только к словесному, но и к физическому воздействию – их способы были порой жестоки и негуманны, зато приносили результат.

За процессом пристально следил и Дмитрий Тихомиров, морально страдая вместе с Вершининым. И вот, воспользовавшись подходящим моментом, Тихомиров раз и навсегда решил убедить Алексея в том, что его образ жизни плох и порочен.

Вокруг тем временем привыкли не обращать внимания на слезы и мольбу Вершинина отпустить его – отпускали, а потом вновь ловили и запирали обратно в этот своеобразный изолятор. Мольба и слезы сменялись яростью и негодованием.

Леша сидел в той комнатухе безвылазно и только и делал, что стонал от боли, которую ему причиняла ломка. Его научились умирять без капли сожаления. Вершинин предпринимал изошренные попытки к бегству, но ничего дельного не выходило. За несколько недель жизни в пустой комнате он превратился в нелюдимого зверя, с укором и злостью смотревшего на стороживших его людей. Непременно зверь должен был стать человеком, и он им стал, но намного позже. Взаперти легко можно сойти с ума, но Леша оказался стойким – в отличие от Тихомирова, который еле терпел действия Ретинского и его сподвижников с целью вытащить Алексея из ямы. Дима расценивал это как издевательства над человеком, над его хорошим другом. Но Витек был настроен серьезно: именно так он спас Вершинина от смерти, как позже сделал Тихомиров на озере.

Витек предупреждал Диму, что входить сейчас к Вершинину и что-то ему внушать – это бессмысленно и опасно, ведь непонятно, какая за этим может последовать реакция. Но Дима был непреклонен и все же добился своего. Витя же настоял на том, что Тихомиров войдет к Вершинину только под его присмотром. Так и случилось...

Свет от серого и унылого весеннего неба проникал в пустую комнату через окно без занавесок. Двери со стеклянными вставками (Вершинин выбивал их неоднократно) распахнулись, и Дима с ужасом сделал шаг в импровизированную камеру. За ним со злобно-серьезным видом вошел Ретинский.

Услышав скрип старых половиц, Вершинин ошалело раскрыл глаза. Он сидел на полу, оперевшись спиной об стену, поджав колени к груди и положив на них руки. Немытые черные волосы закрывали его очи. Алекс сидел в запыленных черных джинсах и разорванной рубашке

белого цвета. Он смотрел на свои дырявые кроссовки с белыми подошвами, которые валялись у стены напротив.

Вершинин и с окна пытался спрыгнуть, выбив вдребезги все стекла, и об стены бился, двери проламывал, прямо в тонких джинсах и разорванной рубашке в мороз убежал на другой конец города, размахивал кулаками, пытаясь отгородиться от своих надзирателей, то и дело находивших его. К врачам он идти не хотел, поэтому пришлось избавлять его от зависимости народными средствами, по заветам бывалых пацанов, которые тоже прошли через это. Леха лишь глубоко-глубоко в душе осознавал, что все это делается ему на благо. Тихомиров очень рисковал, затеяв с ним серьезную беседу.

– Леша, – тихо позвал Дима.

Тот медленно поднял голову и посмотрел на Тихомирова измученным взглядом.

– А-а-а, – хриплым голосом протянул Вершинин, стараясь подняться, – и ты пришел. Что надо?! Поржать, полюбоваться... на то, как человек страдает...

– Все нет, – спокойно возразил Димка, разглядывая, во что жалкое и несуразное превратился Вершинин. – Зачем ты так говоришь?

– А просто так, блять! – сказал Вершинин, безуспешно пытаясь встать и поймать заветное равновесие после нескольких часов раздумий и сидения в одном положении. Тогда он только начал осознавать всю серьезность ситуации, в которую он угодил. Вершинин боролся сам с собой, но пока не мог контролировать свои бездумные высказывания в адрес пришедших. – Потому что мне плохо! – воскликнул он. – Эй, Ретинский! Сколько можно меня здесь держать?! Когда меня отсюда выпустят?!

– Как только, так сразу, – ответил ему Витя, сложив руки на груди.

– Что ты сказал?! – орал Вершинин, словно пьяный, а Тихомиров не верил своим глазам. – Садист ты, сука! Ебанный фашист! Вот я выберусь отсюда, и ты, дерьмо собачье, пожалеешь, что на свет родился! Мы засудим тебя – ты сядешь! Видишь, Дима, – Вершинин подошел к Тихомирову, положил руку на его плечи и показал пальцем на Витьку (от Лехи пахло так себе), – из-за этого человека я страдаю... из-за него я сижу здесь. Если бы не он, то все было бы как прежде! Понимаешь, Дим?!

Дальше Вершинин перешел на шепот:

– Димка, я всегда знал, что ты хороший парнишка, так что... как моего кореша тебя прошу, – он помолчал, а потом продолжил. – Только тихо... Сгоняй мне за наркотой. Я давно купил, но не забрал. Я скажу, куда идти и где спрятано... Я знаю, ты сделаешь это для меня...

Дмитрий стал отрицательно качать головой еще в середине реплики Алексея, а Ретинский понял, что именно шепчет Вершинин. Витя подошел к Леше и легким движением руки откинул наркомана в сторону – Вершинин мигом очутился на полу, где и сидел.

– Ну и хуй с тобой! – продолжал дерзить Вершинин. – Как я еще мог называть тебя другом?! Ума не приложу! Съебывайте отсюда! Оба! Видеть вас не хочу, – признался Леша и замолчал, вернувшись в прежнюю позу, отвернувшись в сторону окна, словно обидевшийся ребенок.

– Нет, Леша! – внезапно произнес Тихомиров. – Я тебя не узнаю – это не ты! Где же тот прежний Леха Вершинин, которого я знал, любил и уважал?! Он был бы здесь, если б не то, чем ты занялся. Леша, – Дима решил прикоснуться к нему, – я всегда говорил тебе... всегда, каждый раз предупреждал тебя, что вся твоя жизнь – все эти вечеринки, клубы, наркотики, алкоголь... Все это неправильно... все это погубит тебя. Я, как видишь, был прав. Услышь же меня, Леша! У тебя есть шанс исправиться, пойти по другому пути – нужно только перебороть себя, отказаться от всего этого, и все будет по-старому, как прежде... Как ты хочешь, – Тихомиров будто умолял его. – Тырываешь мне сердце. Тырываешь его всем своим друзьям. Ты мучаешь себя и других. Опомнись, вернись к жизни, забудь об этой дряни!

Вершинину с первых же слов Димы не понравилась речь друга – у него сразу же заболела голова, и он сорвался... Он повел себя как абсолютно неадекватный взбесившийся человек, не помня самого себя:

– Бесите! Как же вы меня бесите! Каждый раз одно и то же, – взялся за голову Вершинин и принялся кричать во весь голос. – Всегда вы вмешиваетесь! Всегда вы лезете! Не смей меня учить! Не надо мне лекции читать! Я живу, как хочу, делаю то, что считаю нужным. Мне не нужны ничьи советы! Моя жизнь – это не ваше дело, а вы все лезете и лезете! О себе бы лучше позаботились! Мне и без вас хорошо живется!

– Почему ты так говоришь? – чуть ли не плакал Тихомиров.

– Опять ты лезешь! Отъебись от меня! – рывкнул на Тихомирова Леша и кинулся на него, схватил крепко за шею и принялся душить друга. – Мне уже тошно от тебя, ты мне надоел, ненавижу тебя, тихоня проклятый! Вообразил себя праведником?!

Ретинский, научившись в случае необходимости с одного удара отключать Вершинина, подлетел к ним и вмазал Леше по лицу своим тяжеленным кулаком. Тот грохнулся на пол без чувств. От внезапной агрессии Вершинина у Тихомирова подкосились ноги – он никак не ожидал, что его лучший друг захочет придушить его по-настоящему.

– Вот до чего доводит эта гадость, – говорил Витя. Затем он взглянул на испуганного Диму. – С тобой все нормально? – спросил Ретинский, вглядываясь в покрасневшую от ручищ Алексея шею Димы. – Димас, он ведь не понимает, что творит...

Тихомиров, не проронив ни слова, убежал из комнаты, оставив Ретинского наедине с Вершининым, который так и валялся на грязном полу. Витя сразу смекнул, что после такого нельзя выпускать Тихомирова из виду. Он погнался за ним. Дима воспринял все Лешины слова слишком близко к сердцу: он воспринял их как правду, не взяв в расчет то, что Вершинин сейчас находится далеко не в нормальном состоянии. Вершинин всеми этими словами и действиями всадил нож прямо в сердце Димке. Теперь неуправляемым стал Тихомиров – в таком состоянии он мог сделать с собой все, что угодно.

Димка несся по городским улицам со слезами на глазах, не чувствуя ни холода, ни усталости – его душа плакала, ибо была растерзана в клочья. Он не мог выдержать причиненной ему боли. Тихомиров не понимал, за что ему была уготована такая судьба – он устал от несправедливости, ибо этих мук достойны были другие люди, грешившие в этой жизни намного больше, чем Тихомиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.